

*Cogito,
ergo sum*

ЭСХАТОЛОГИЯ

Патрик де Лобье

Cogito, ergo sum

ЭСХАТОЛОГИЯ

Cogito, ergo sum

ЭСХАТОЛОГИЯ

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПАТРИК ДЕ ЛОБЬЕ

АСТ • Астрель
Москва
2004

УДК 2
ББК 86.2
Л68

Подписано в печать 30.07.04. Формат 76×100/32.
Гарнитура «Петербург».

Усл. печ. л. 7,0. Тираж 5000 экз. Заказ № 1369

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, т.2
953004 – литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Лобье, Патрик де

Л68 Эсхатология / П. де Лобье; Пер. с фр. Н. Зубкова. –
М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издатель-
ство АСТ», 2004. – 158, [2] с. – (Cogito, ergo sum:
«Университетская библиотека»).

ISBN 5-17-026785-1 («ООО Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-09893-1 («ООО Издательство Астрель»)

ISBN 2-13-048998-2 (франц.)

Конечной судьбой человечества занимается эсхатология – учение о конце света и конце времен. В книге прослеживаются иудейские, христианские (наиболее подробно) и мусульманские эсхатологические традиции. В XX веке они пополнились, скажем, марксизмом в его советском толковании, предрекавшим наступление «светлого будущего», своего рода конец истории, или современными учениями типа «New Age» с его предсказанием постепенного наступления века всеобщего благоденствия. Все это соседствует с осознанием возможного самоуничтожения человечества, располагающего ныне для этого техническими возможностями.

УДК 2
ББК 86.2

Настоящее издание представляет собой перевод оригинального французского издания «L'eschatologie»

ISBN 5-17-026785-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-09893-1 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 2-13-048998-2 (франц.)

© ООО «Издательство АСТ», 2004

© ООО «Издательство Астрель», 2004

© Presses Universitaires de France, 1998

ВСТУПЛЕНИЕ

Конечная судьба человека – не каждой личности перед лицом и по ту сторону смерти, а людского сообщества в целом – содержание данной книги. Подобными проблемами занимается эсхатология – учение о конце света и конце времен, которыми, в соответствии с линейной концепцией времени, завершится история. Можно достаточно точно вычислить, сколько еще существует Солнечная система (срок весьма немалый), однако пугающе высокая вероятность аннигиляции нашей планеты в результате термоядерной катастрофы вносит в эти расчеты опасную неопределенность. «Цивилизации смертны», – заметил Поль Валери; ныне представляется, что под реальной угрозой уже судьбы всего человечества.

Мысль о конце истории интригует, – и не только из-за абсолютной неясности сроков. Богословские системы, исходящие из авраамической традиции (иудаизм, христианство, ислам), содержат пророчества о неких знамениях, которые будут предшествовать концу времен. Естественно, все последующие поколения, пристально вглядываясь, пытаются их различить. Если взглянуть еще глубже, вести о воскресении

мертвых, за которым последует суд, взывает к верующим и провоцирует к тревожащим выводам неверующих. В конечном счете, эсхатология — достаточно чувствительная проблема, рождающая вопросы, обращенные и к каждому человеку, и к любому сообществу на протяжении всей истории.

Цель настоящей работы — дать очерк иудейской, христианской и мусульманской эсхатологических традиций, причем особое внимание будет уделено культурному массиву, который можно назвать христианским корпусом текстов, привитым на ствол Ветхого Завета. Эсхатологический феномен существовал и эволюционировал в течение многих столетий, в том числе и в лоне католической церкви, которая отнюдь не отошла, как иным представляется, от пророческого духа. Она содержит множество предвидений будущего, исходящих и от учительной Церкви во главе с папой Иоанном-Павлом II, и из частных харизматических источников, которые Церковь не всегда или не сразу признает, но которые неизбежно оказывают влияние на метаморфозы восприятия эсхатологических перспектив. Для русской литературы, вдохновленной православием, характерна, как говорил Бердяев, эсхатологическая направленность. Протестантизм также богат различными пророчествами, и мощное харизматическое течение, в настоящее время (в конце XX века) пронизывающее христианский мир, имеет протестантское происхождение.

Коран, питающий дух миллионов верующих, наполнен эсхатологическими веяниями, особенно в самых древних и кратких сурах, и в наше время

бурлящего ислама они довольно рельефно выступают.

Среди знамений времени нельзя не обратить особое внимание на то, которое по праву привлекает самое пристальное внимание всех, кто считает себя принадлежащими к авраамической традиции: судьбы Израиля. После двух тысяч лет скитаний библейский народ вернулся на землю предков и основал государство. Это в определенной мере подтверждение эсхатологических пророчеств приобретает особое значение в тот момент, когда христиане и наряду с ними все, кто принял христианское летоисчисление, готовятся встретить второе тысячелетие со дня рождения Мессии — родом еврея, — Второго пришествия которого уже двадцать столетий ждет христианский мир.

Книгу дополняет краткий словарь основных понятий, о которых идет речь в работе. Некоторые статьи («Церковь», «Конечные судьбы», «Царство Божие») довольно пространны; таким образом, удалось избежать многочисленных примечаний в самом тексте: читатель в любой момент может получить необходимые разъяснения. С помощью такой структуры мы попытались устранить возможные недопонимания и восполнить ясно различимые пробелы, неизбежные при разговоре о предмете, границы которого вряд ли возможно очертить, требующем, кроме того, больших специальных исследований и связанном с весьма различными традициями.

Вообще, в какой мере в данном вопросе можно претендовать на объективность?

Автор, как правило, обречен встать на какую-либо определенную точку зрения, но в процессе

выбора никак не может забывать о своей собственной. Ложный нейтралитет в данном случае – не панацея. С теми же проблемами сталкивается и социология религии. Если исследователь никакой религии не исповедует, то может создаться впечатление, что он беспристрастно и строго научно подходит к весьма различным деликатным вопросам. Однако вряд ли это так; не имея опыта, пережитого верующим, он нередко упускает главное, в чем смиренно признавался сам Макс Вебер. Если же автор исповедует одну из религий, есть риск, что его личные пристрастия скажутся слишком сильно на результатах научного исследования. Перефразируя Шарля Пеги, заметим: тот, кто желает заниматься наукой с руками, чистыми от любых предубеждений, рискует все лишиться рук.

Смягчающее обстоятельство для автора этих строк – то, что он взялся за весьма обширный предмет, который очень редко рассматривается как единое целое. Он надеется, что с помощью словарика в конце книжки читатель, желающий проникнуться основами знаний по этой теме, не станет в тупик перед незнакомой терминологией, а, напротив, получит побуждение углубиться в проблему. Беря за образец «Опыты» Монтеня, хочется верить, что книжка станет опытом введения в «завершение вещей».

«Эсхатология», от греческого слова *eschatos*, означающего «вершина» или «бездна», – термин сравнительно новый: в богословии им стали пользоваться лишь в XIX веке. Примерно сто лет оно находится в центре важного экзегетического спора по поводу слов Христа о конце времен, в кото-

ром приняли участие многие протестантские и католические богословы.

Ныне этот термин получил более общее значение: он обозначает рефлексия о конце и целях истории.

Сейчас, в конце тысячелетия, эсхатология становится модным литературным жанром, в котором появились весьма разнородные произведения: история, подлинное богословие и «научно-фантастическая» теология соседствуют с чистой фантастикой во всех формах, причем средства массовой информации порой не способны отделить научную составляющую от совершенно невежественных вымыслов. Книжный рынок наполнен произведениями самых разных жанров по этой тематике; их влияние на верования, менталитет, поведение людей также совершенно различно и непредсказуемо. Во всяком случае, с уверенностью можно утверждать, что «эсхатологический феномен» – характерная черта нашего времени.

Марксизм в его советском толковании предскал наступление «светлого будущего», своего рода конец истории. «New Age» – учение совсем иного рода – предсказывает, что с переходом к новой эре, «эре Водолея», постепенно настанет век всеобщего благоденствия. Но рисуются и не столь радужные перспективы, связанные с осознанием возможного самоуничтожения человечества, получившего ныне технические возможности для этого. Всепроникающее и все подавляющее действие мощных средств информации также не способствует прочности мира; благодаря вторящим друг другу СМИ любой из нас постоянно становится непосредственным свидетелем

лем насилия и катастроф, а отсюда рождается чувство неуверенности, которое еще усиливается осознанием одиночества и отчужденности индивида, приобретающим в современном мире массовый характер.

Мальро в своем хорошо известном пророчестве предрекал религиозное будущее XXI века, но не уточнял, что он имел под этим в виду; еще раньше Мирча Элиаде указал, что под идеологическими одеждами, скроенными в XX веке во имя науки (а точнее будет сказать, сциентизма), расизма и революционных идеалов, сохранился прежний *homo religiosus* (человек религиозный).

Чтобы прийти к более или менее определенному выводу, необходимо ознакомиться с основными материалами, отражающими суть данной проблемы.

Мы попробуем проследить главные перипетии и подвести общий итог современному состоянию этой проблемы. Исследование необходимо начать с тех времен, когда еще не существовало определения «эсхатология», но уже вполне проявилась та реальность, которая стоит за этой дефиницией. Иными словами, глава I содержит обзор великих религиозных и философских традиций прошлого, которые на протяжении тысячелетий ставили вопрос о конце мира и человечества; добавлены данные по этому вопросу о сохранившихся и поныне традициях китайской, индийской, средиземноморской цивилизаций.

В главе II внимание сосредоточено на эсхатологическом сознании в русле трех монотеистических религий, родившихся на Ближнем Востоке: иудейской, христианской и мусуль-

манской, – к которым ныне принадлежит более половины человечества; эти традиции и являются главными историческими источниками по эсхатологии. Основные события и действующие лица ожидаемой эсхатологической драмы описаны в главе III; наконец, о нерелигиозных трансформациях феномена эсхатологии, а также о возможностях его социологических и психологических интерпретаций рассказывается в главе IV.

Глава I

ЦИКЛИЧЕСКИЕ И ЛИНЕЙНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

Эсхатологическая концепция истории явилась на свет вместе с библейским откровением о творении мира Богом *ex nihilo* (из ничего). Весть о конце света вначале доносилась прикровенными словами пророков, особенно Даниила, затем более явно в Евангелии.

Оригинальность библейской эсхатологии станет очевидной, если сравнить ее с циклическими концепциями истории, характерными для других цивилизаций.

I. — Циклическое понимание истории

В истории религии можно вычленить два полюса: один тяготеет к Индии, другой к Средиземноморью.

Индийский полюс. — Древние цивилизации Азии — индийская и китайская — представляют историю в виде космических циклов, каждый из которых включает возникновение, эволюцию и гибель миров.

Умозрительный гений индусов, в отличие от греческого, не отличает сакральное (сфера божес-

ственного) от профанного (сфера обыденного); его внушительные космогонии суть в то же время и теогонии. Мирча Элиаде толкует эти циклические концепции времени как желание и надежду исторически продолжить существование в вечности: «Архаические мифы и обряды, связанные с сакральным пространством и временем, по-видимому, можно свести к неким ностальгическим воспоминаниям о «земном рае» и к своего рода «экспериментальной вечности», куда человек, как он думает, все еще может получить доступ¹.»

Ритм этих огромных по времени космических циклов задают жизнь и смерть, а вместе с тем борьба добра и зла. Когда зло берет верх, мироздание разрушается, а воссоздание мира происходит под знаком добра и света, символом которых служит золотое яйцо².

Это чередование можно сравнить с оборотами гигантского колеса, влекущего богов, людей и животных сквозь циклы хаоса и возрождения, в процессе которых происходят превращения (переселения душ), обусловленные человеческими страстями. Чтобы вырваться из этого бесконечного круга, надо выйти за пределы множества су-

¹ *Mircea Eliade. Traite d'histoire des religions. Paris, 1949, с. 342–343.*

² Упанишады (700–650 г. до н. э.) созданы позднее Вед (1500–800) и Брахман (800–700), однако индусы считают их наиболее совершенным выражением божественного откровения, явленного в разное время и в разном обличье. Всего этих метафизических и мистических поэм существует 250. Представление о циклической концепции мира дают «Бахврича Упанишада» и «Кали-Самтарана Упанишада».

ществ и вещей, слившись с единством всего сущего, а путь («йога») этого освобождения в разных школах обозначается как деяние («карма»), как знание («джнана») или как праведность («бхати»).

При всем том обратим внимание, что в индуизме история человечества связана с идеей цикличности и что выход из цикла перерождений благодаря праведной жизни, согласно «закону деяний» (карме), есть вместе с тем и выход из истории. Добродетелью человек освобождает свою судьбу («дхарма») от множественности вещей и желаний, слившись с единством сущего.

Таким образом, циклическая концепция истории, которую под названием «великого года» можно найти и у греков, выражается в желании стабилизировать время, которое непрестанно течет, но и непрестанно вновь обретается. Можно говорить о перманентной, не имеющей конца эсхатологии. Идею циклического времени прекрасно иллюстрирует смена времен года: после кажущейся смерти природа каждый год возрождается вновь.

Гений китайцев менее умозрителен, чем индийский; подобно римлянам, китайских мыслителей заботила не столько метафизика, сколько этика. В Китае нет религиозного предания, сравнимого с Ведами. Древняя китайская мифология на удивление бедна. Тема циклического движения космоса выражается через приложение к мирозданию чередования «инь» и «ян»: мир переходит от хаоса к Единому через многообразие форм. В буддизме, который в строгой своей форме искал лишь избавления от внешнего мира, причем исключительно в монашестве, эсхатология может

относиться только к внутреннему миру – быть «нирваной», прекращением страданий, но и концом существования в этом мире, о которой ничего больше нельзя сказать.

Большая часть древних цивилизаций, оставивших письменные источники: египетская, месопотамская, иранская, греческая, римская, доколумбовой Америки, – каждая по-своему оригинально развивает циклическую концепцию истории и не знает абсолютного конца. Но, бесспорно, именно в Индии эта концепция разработана полнее всего; там же с невиданным размахом расцвело и учение о перевоплощении, причем, поскольку именно в нем коренится причина возникновения и существования до нынешнего времени каст, известны и его вполне определенные социальные последствия.

Если так, то можно, вслед за Мирчей Элиаде, говорить о вечном возвращении всего, что касается земного мира в целом, но для отдельных личностей перевоплощение – не общее правило. В Египте суд над мертвыми производился раз и навсегда; Платон в «Горгии» воспроизводит мысль о посмертном суде, высказанную у Гомера в «Одиссее», а позже, если брать только самые известные тексты, – у Вергилия в шестой песне «Энеиды».

Кульτ предков в Риме, Китае, у американских индейцев и в африканских религиях – это своего рода вечная жизнь людей на земле, получаемая благодаря памяти потомков, нечто промежуточное между новым воплощением в этом мире и жизнью в новом мире после воскресения.

Зороастр и религия, проповеданная им в VI в. до н. э., – предмет многочисленных споров, из-за которых нелегко прийти к окончательной оценке

этого феномена. При отсутствии достоверных источников возможны две противоположные позиции. Согласно одной, Зороастр был реформатором, вполне сравнимым с Буддой. Однако религия, пророком которой он стал, характеризуется дуализмом, где непримиримо сталкиваются добрая духовная и злая физическая силы. Зороастр стоит у начала последнего трехтысячелетнего отрезка линейной истории протяженностью в 12 тысяч лет; он закончится последним судом, на котором будет вынесено решение о воскресении и блаженстве праведников, в то время как воскресение осужденных станет их наказанием.

Другая трактовка отрицает историческое существование Зороастра и видит в дуалистической традиции древнего Ирана идущую с незапамятных времен тенденцию дискредитации материи. Согласно этой трактовке, маздаизм – государственная религия, в VI в. до н. э. измыслившая себе мифического основателя; она, между прочим, позаимствовала из еврейской традиции, с которой персы познакомились через беженцев в Вавилоне, линейную концепцию истории. В нашу задачу сейчас не входит решать, какое толкование правильно¹, – заметим только, что древнеиранский дуализм явился истоком манихейства, продолжением которого уже в зрелом Средневековье на Западе стало учение катаров.

Средиземноморский мир. — Египет, Месопотамия и греко-римская цивилизация представля-

¹ См.: *Giovanni Filoramo* (ed.). *Storia delle religioni*. 1: *Le religioni antiche* (G. Gnoli, 456 et s.). Roma, 1994; *G. Widengren*. *Les religions de l'Iran*. Payot, 1968.

ют собой тот религиозный полюс, на котором впоследствии выросли великие монотеистические религии (иудейство, христианство, ислам), обладавшие неизвестной в Азии эсхатологической перспективой.

Древний Египет был словно заморожен мыслью о неизбежности смерти отдельного человека и его загробной жизни – одно из свидетельств тому «Книга мертвых». Концепция создания мира и смены эпох в различные периоды тысячелетней египетской истории естественно претерпевала метаморфозы. Начало жизни, как и в Ведах, олицетворяется мировым яйцом, а смена дня и ночи в гимнах Солнцу монотеистической религии Атона (середина XIV в. до н. э.) дана как выражение времени, за которым следует великое путешествие на тот свет, где каждый судится по делам своим. Жизнь и смерть до бесконечности сменяют друг друга, и солнце, символизирующее жизнь, клонится к закату, поглощается мраком и вновь восстает из него. Ткань египетской мифологии, также связанной в основном с загробным миром, составляют бесчисленные вариации рассказов о богах – полулюдях, полуживотных.

Можно сказать, что основное отличие древнего Египта от Индии состоит в особо пристальном внимании к загробной жизни, хотя египтяне и не очень четко представляли себе, что ждет мертвых после суда – зато весьма подробно описана сама его процедура. В египетской традиции дана личная эсхатология, полностью определяемая земной жизнью, в то время как в индуизме идея перевоплощения дает смерти относительный характер: она повторяется до тех пор, пока не наступит освобождение, то есть растворение во всеобщем.

У греков Гомер в «Одиссее» описал сошествие в ад и представил верования о том, как судятся герои, а с ними и все люди, но самые ясные высказывания о судьбах мира и человечества можно найти у Платона.

О судьбах человеческих душ он говорит в «Горгии», «Федоне» и «Государстве», где описаны соответственно суд, испытания и новое рождение или перевоплощение всех, кроме окончательно очистившихся.

Предмет «Тимея» — творение мира демиургом, оформляющим уже существующую материю; там же Платон защищает представление о благом действующем уме, в противоположность материалистическим взглядам, отдающим окончательное объяснение происхождения мира на волю случая. Наконец, в «Политике» циклическая концепция истории систематически изложена в форме мифа. Состояния мира чередуются: сначала он, под божественным водительством, познает золотой век, обновление и блаженство; затем, предоставленный самому себе, дряхлеет, в нем появляются раздоры; наконец, он гибнет, после чего на смену приходит новый цикл, возобновляющий юность человечества и обеспечивающий всеобщее процветание «на тысячи и тысячи веков». Итак, поскольку циклы повторяются, золотой век одновременно является и прошлым, и будущим. Платон принимает все наследие мифов о неизбежном чередовании жизни и смерти, добра и зла, рождении мира и упадке царств и городов — в результате именно им наиболее стройно излагается циклическая концепция истории.

В период с III в. до н. э. по II в. н. э. стоики разработали циклическую философию космоса, в кото-

рой каждый цикл называется периодом (*periodos*) или великим годом (*magnus annus*), в начале которого – логос (*logos*), или творящий огонь, организующее начало всех четырех стихий (воды, воздуха, материального огня и земли), а в конце происходит мировой пожар, возвращающий вселенную к логосу, порождая новый цикл согласно законам природы. Имманентное космосу божество отождествляется с разумной структурой, в которую включены и боги (звезды), и люди в течение своей краткой жизни.

Этот краткий обзор циклических мифов Азии и Средиземноморья показывает, что их варианты многочисленны и весьма существенно различаются, но существуют и важные общие точки соприкосновения. В первую очередь, хотя у земной истории нет абсолютного конца, это еще не значит, что каждый индивидуум не может выйти из этого мира согласно некоторым достаточно точно указанным моральным критериям. Таким образом, внутри материальной вселенной, подверженной циклическим метаморфозам, существует индивидуальная абсолютная эсхатология. Во-вторых, учение о перевоплощении, чрезвычайно важное в индийской традиции, не играет заметной роли в Китае, Египте и Риме, где доминирующее место занимает культ предков, продолжающих свое существование в потомстве. Огюст Конт утверждал, будто общество состоит не только из живых, но и из мертвых, о которых помнят живые; в тех цивилизациях, где преобладает культ предков, это несомненно так.

Наконец, мы всегда имеем дело с мифами – либо переходящими по преданию из поколения в поколение, начиная с незапамятных времен, либо, как у Платона, полностью вымышленными. Эти мифы отвечают чаянию, глубоко укорененному в человеке –

разумном животном, которое пытается искать не только практические ответы на вызовы повседневной жизни, но и не чуждо трансцендентного.

II. — Линейное понимание истории

Линейная концепция истории, берущая начало в Библии, внесла нечто радикально новое, и несмотря на простоту этой новизны замкнутая циклическая структура миропорядка оказалась разорванной и спрямленной. Будучи неотделима от творения мира *ex nihilo* (из ничего), она вводит представление об абсолютной эсхатологии как всего материального мира, так и каждого человека в отдельности. Иудаизм, вслед за ним христианство, а под их влиянием и ислам учат об истории мира, созданного единым Богом из ничего, и о таинственном конце человеческой истории, понимание которого постепенно конкретизировалось на протяжении столетий. Часть этой эсхатологической концепции — мессианизм, возвещающий о приходе Человека — Божьего помазанника — и о таинственном царстве, которое Он установит на Земле.

Ниже будет прослежено, как развивалась линейная концепция истории, но уже сразу нельзя не отметить потрясающий дар предвидения творцов этой идеи, высказанной за несколько тысяч лет до возникновения теории «большого взрыва», когда уровень развития науки позволил измерять сроки жизни звезд, в том числе нашего Солнца, не говоря уже о возможности разрушения планеты самим человеком.

Необратимость линейной концепции истории дает всем человеческим действиям единую меру:

все в мире по определению ново и направлено к концу, открывающему окончательное значение поступков – положительное или отрицательное в каждом отдельном случае и для каждого человека.

Заметим, что ни циклическая, ни линейная концепция времени не имеют соответствия с какой-либо определенной формой религии. Встречаются формы монотеизма, связанные как с циклической (например, платонизм), так и с линейной концепцией истории – в первую очередь религии, считающие себя наследницами Авраама. Атеизм также существует в обеих формах: древний стоицизм – атеистический – принимал циклическую концепцию, а ныне конец истории нередко рассматривается в рамках материалистической философии.

Как мы видели, идея абсолютного начала и абсолютного конца истории неотделима от библейского откровения: греки, утверждавшие поливариантность космогонии, об этом просто не думали.

Конец истории мыслить труднее, чем абсолютное начало; ведь эсхатология требует ответа на сложнейшие вопросы, связанные с человеческими судьбами. Даже в библейской традиции лишь через тысячу с лишним лет после Авраама начали более или менее конкретно говорить о положении мертвых и об их судьбе *post mortem* (после смерти); появились темные речи о шеоле, или гадесе. Христианство даст на этот счет более ясные ответы, но и оно оставляет в неведении о точном дне и обстоятельствах конца света и второго пришествия Христа на Землю прежде жизни будущего века. Более того, памятен спор между учеными, утверждавшими, что первые христиане чаяли Царства Божия, а видели только Церковь (Луази), и

теми, кто доказывал, что Церковь и есть начало Царства, одновременно открывающегося и сокрытого в церковной истории (Журне).

Вероятно, немало оригинальных особенностей можно выявить и в других конфессиональных традициях, например в доколумбовых или африканских, однако все основные вопросы эсхатологии затрагиваются именно в религиях, тяготеющих к двум указанным полюсам: традиционного религиозного творчества и откровения, из которых первое представлено Индией (циклическая концепция времени), а второе Ближним Востоком (линейная концепция вместе с ее агностическими и даже атеистическими вариантами).

III. — Милленаризм

У истоков милленаризма — текст из Апокалипсиса, дававший повод к самым различным толкованиям:

«И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего надлежит ему быть освобожденным на малое время» (Откр., XX, 1–3)¹.

¹ Цитаты из Ветхого и Нового Завета, как правило, даются по русскому Синодальному переводу, а в необходимых случаях — в переводе с французского (по «Иерусалимской Библии») с текстом Синодального перевода в примечании. Ссылки на библейские тексты вводятся в текст или уточняются без оговорок. — *Примеч. пер.*

Далее в рассказе об этом видении говорится, что мученики и верные, отказавшиеся поклониться Зверю – то есть ставшие на сторону Христа против Князя мира сего, – будут участвовать в первом воскресении и царствовать с Христом *тысячу лет*. Это первое воскресение – не конец света и не Страшный суд, на котором, по Евангелию, предстанут все люди. Всеобщее воскресение – это уже второе воскресение.

Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден, начнет страшное сражение против святых и в конце концов будет навсегда ввержен в озеро огненное. Суд над народами произойдет сразу после поражения великого соблазнителя народов.

Это место из Апокалипсиса и стоит у истоков миллениаризма, поразительная история которого непрестанно обогащается на протяжении веков. Отцы Церкви первых трех столетий толковали это тысячелетие как царство мира и благоденствия. В I в. Св. Иустин полагал учение о тысячелетнем царстве на земле составной частью истинного вероучения. Св. Ириней Лионский во II в., как мы еще увидим, говорил об этом довольно подробно и с большим убеждением. В этом пророчестве он видит и справедливую награду избранным на земле за труды и страдания, предваряющую вечное блаженство, и, вместе с тем, духовную подготовку к вечности. Тертуллиан и Св. Ипполит Римский в начале III в. мыслили в том же направлении, зато их современник Ориген дал тысячелетнему царству чисто символическое толкование. В IV в. Лактанций в «Божественных установлениях» уверяет, что тысячелетнее царство непременно будет.

В том же IV в. от этого убеждения решительно отказались Св. Иероним и особенно Св. Августин, какое-то время разделявший его, но затем увидевший в апокалиптическом видении чисто символическое значение, чтобы это земное царство не понималось плотски.

Обращение римских императоров в христианство значительно изменило положение приверженцев этой веры, и хотя автор «Града Божьего» отнюдь не смешивал небесный Иерусалим с царством, где христианство стало официальной религией, но был весьма привязан к Риму своего времени. Нашествие варваров глубоко потрясло и его, и Св. Иеронима.

Между падением интереса христиан к эсхатологии и новым положением Церкви, отныне получившей признание политической власти, есть несомненная связь. Для гонимых, которым всегда грозила смерть, ожидание Христа было насущным чаянием. Когда христианство стало государственной религией, все переменялось. Многие объявили себя христианами, но не всем были свойственны героизм и горячая вера. Люди стали устраиваться в этом мире, и в более комфортных условиях эсхатологическое ожидание поблекло, утратив актуальность.

В течение всей истории христианства видно, как фазы активных эсхатологических ожиданий чередуются с периодами относительной индифферентности. Нередко эсхатологические устремления принимают форму миллениаризма – ожидания царства Христа на Земле, – но порой трансформируются и в другие формы: ждали самого конца света. Каждый век внес свою оригинальную лепту в эсхатологическое мировидение.

Периодическое возрождение эсхатологического сознания, ожидания неминуемо грядущего конца света коренится в самой евангельской вести, подогреваемые тем, что не представляется возможным узнать его день и час. Правда, существует возможность распознавания знаков, предвещающих конец. К таковым можно отнести: проповедание Евангелия по всей земле, обращение еврейского народа, катастрофы космического масштаба, — ведь в каждом веке вполне можно отыскать аргументы в пользу того, что эти события уже происходят. Представим себе только конец Римской империи, нашествие азиатских ордов главе с Атиллой, арабскую экспансию, чуть не поглотившую всю Европу и вытоптавшую христианство в Северной Африке и в самой его колыбели — на Ближнем Востоке. Дальше последовали приближение тысячного года, известная распря пап с императорами, поставившая Западную Европу на грань катастрофы, движение катаров в XIII в., вступившее в резкий конфликт с христианством, великую чуму XIV в., погубившую треть населения Европы, великий раскол и падение Византии в XV в., Реформацию и религиозные войны в XVI, турецкую угрозу, Смутное время в России и религиозный раскол в Англии в XVII, Французскую революцию в XVIII, эсхатологические религиозные движения в Соединенных Штатах и социальные утопии в Европе XIX в. Наконец, XX век: русская революция, нацизм, угроза ядерного самоуничтожения и такой особый эсхатологический знак, как создание государства Израиль, последовавшее после Холокоста. В конце этого далеко не исчерпывающего списка событий, вызывавших эсхатологические

ожидания, впечатляюще проступает канун 2000 г., богатый эсхатологическими символами; и хотя это лишь одно из мгновений долгой истории, что уменьшает значимость этих символов, они характеризуют особенность момента окончания тысячелетия. Еще никогда гибель самой Земли не ощущалась столь осязаемо реально, как ныне, когда национальные центры ядерного уничтожения угрожающе плодятся. Никогда со времен разрушения второго Иерусалимского храма судьба Израиля не открывала так явно свой пророческий лик, хотя множество неувязок и скрывает ее эсхатологическую значимость.

Что же в таком случае может значить «тысячелетнее царство»?

Идет ли речь об ожидании периода мира и благоденствия в истории прежде конца времен – а неизбежность этого конца все время чувствуется из самых разных событий?

Или это слишком материальное толкование библейской метафоры, которую надо понимать чисто духовно, по образцу Св. Августина, которому следовали Св. Фома Аквинский и большинство богословов?

Надо ли полагать, как считает «New Age», что придет новая постхристианская эра – жизнь на земле в идеальном благоденствии?

Не имеем ли мы дело с мифом, порожденным мечтой о человеческом счастье, сначала связанным с религией, потом все более секуляризовавшимся и, наконец, превратившимся просто в претерпевающую постоянные метаморфозы социальную утопию, с мифом, который, как писал Жорж Сорель, удаляется, подобно миражу, едва люди подходят к его осуществлению?

Единого ответа, естественно, быть не может. Разные течения мысли давали и дают подобные перечисленным выше ответы; имея порой непримиримые различия между собой, все они обладают единой точкой соприкосновения – это текст из Апокалипсиса, столетия продолжающий возбуждать духовные и мирские эсхатологические ожидания.

Глава II

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Теперь мы последовательно рассмотрим иудейские, христианские и мусульманские эсхатологические представления в их историческом развитии. Третья же глава будет посвящена событиям и действующим лицам эсхатологической драмы по христианским представлениям. Эти представления изложены наиболее развернуто уже потому, что христианство почитает исторического Христа как Спасителя, а видимую и невидимую Церковь — как Его таинственное Тело. Кроме того, вышеупомянутые споры по проблемам эсхатологии, начавшиеся около двухсот лет назад, касаются преимущественно проблем, поставленных в Новом Завете.

I. — Иудейская традиция

Моисей, живший около 1250 г. до н. э., несомненно был создателем первых иудейских текстов, хотя и не может считаться автором всего Пятикнижия, или Торы (книг Бытия, Исхода, Левита, Чисел и Второзакония), освященных его авторитетным именем. Библейская критика считает, что древнейшая часть книги Бытия в дошедшем

до нас виде восходит к IX в. до н. э., хотя устно передавалась задолго до того. Раввинские тексты говорят о предвечном существовании Торы на небесах прежде сотворения мира, аллегорически указывая на ее священный характер, который признают за ней и христиане.

В псалмах, начиная с царя Давида (1000 до н. э.), и у пророков, начиная с Амоса и Исаяи (ок. 750 до н. э.), проглядывает эсхатологическое содержание, становящееся все более конкретным; наконец, в книге Даниила оно принимает отчетливо мессианский характер. Мир сотворен Богом из ничего, а избранный народ призван после битв, о которых повествуют апокалипсисы, принести благоденствие на землю. В апокалиптических повествованиях рассказы о тяжелых испытаниях сменяются картинами всеобщего счастья. Человек, несомненно, смертен, и каждого ожидает суд; однако выше всех индивидуальных судеб – призвание богоизбранного народа, в едином лице предстоящего перед своим Творцом как сын, невеста, слуга, драгоценная лоза. Существует лишь одно исключение: таинственный Помазанник (Мессия), страдающий и торжествующий – его судьба имеет ключевое значение.

Книга Даниила. — «Отцом эсхатологии» называют Иезекииля, который за несколько лет до катастрофы 586 г. до н. э. предсказал падение и разорение Иерусалима, но отчетливо мессианский характер эсхатология приобретает у пророка Даниила между 167 и 164 г. до н. э. (даты осквернения Иерусалимского храма); именно тогда появилось выражение «конец времен». Книга Даниила – набросок теологии истории, открывающий принци-

пиально новый этап иудейской эсхатологии, а впоследствии вдохновивший эсхатологию христианскую.

Гонения Антиоха IV (175–164 гг. до н. э.) были не просто внешним насилием, но и вызовом со стороны эллинистического язычества, против которого и восстали Маккавеи после осквернения Храма и прекращения постоянных жертвоприношений – «мерзости запустения», как говорит книга Даниила, а позже сказал Христос, говоря о конце света.

На этом актуальном историческом фоне Даниил рисует видение смены земных царств, изображаемых как чудовищные звери, которую завершает царство Сына Человеческого, ему же не будет конца. В этой скорее небесной, чем посюсторонней картине, завершающей историю, даны все составные части ее эсхатологической трактовки, а центр этой конструкции – таинственное присутствие Ветхого днями и Сына Человеческого.

Ожидание конца подчеркнуто символическими указаниями на сроки (семьдесят недель). На меки на хорошо известные исторические события не позволяют отнести книгу Даниила к жанру литературной мифологии, считать ее чистым вымыслом, а, напротив, заставляют признать за ней статус таинственного пророчества эсхатологического типа. Произведение претендует на то, чтобы удесятерить силы еврея, который взялся за ее прочтение, чья жизнь проходит под знаком «народа святых Всевышнего» и его вечного царства, которому поклонятся все царства земные. В этом славном окончании истории чисто земные судьбы соединяются с чисто небесными вокруг личности Царя.

Кумранские находки 1947–1956 гг. расширили знания об «апокрифических» или «псевдоэпигра-

фических» писаниях последних двух столетий перед явлением христианства, и стало очевидно, какую значительную роль в это время играли апокалиптические тенденции. Среди всей апокалиптической литературы книга Даниила выделяется как высочайшее выражение иудейских эсхатологических пророчеств, имевших логическое завершение в разрушении Храма в 134 г.

Книга Даниила, признаваемая как раввинистической традицией, так и ессеями, имеет сложную структуру; в ней чередуются отрывки на трех языках: древнееврейском (1–2, 4а и 8–12), арамейском (2, 4б–3, 23 и 7) и греческом (3, 24–90 и 13–14). Эсхатологическая часть книги (7 и 8–12) написана на арамейском (7) и древнееврейском (8–12) языках.

Ход всемирной истории описан посредством шести символических рассказов, в которых использованы грандиозные таинственные образы.

I) Смена четырех мировых царств (вавилонского, мидо-персидского, Александра Македонского, Селевкидов (Антиоха IV), за которыми следует Царство Божие.

II) Колоссальная статуя, изготовленная из различных материалов (золота, серебра, бронзы, железа и глины), сокрушенная камнем, превратившимся в гору.

III) Четыре зверя, символизирующие четыре царства: лев, медведь, барс и зверь о четырех головах (Македония, Фракия, Сирия, Египет) с десятью рогами (царями), гонящих святых три с половиной года. Все эти звери убиты; таинственный Сын Человеческий получает власть, завершает историю и начинает царство святых.

IV) Козел и овен с одним, а после с четырьмя рогами (Вавилон, персы, Александр, эллинистиче-

ческие династии) и затем еще с новым рогом (Антиохом), который поражает святой народ тысячу сто пятьдесят дней и после этого окончательно сломлен.

V) Символическое значение для хода истории имеет цифра 7: говорится о «семидесяти неделях», из которых первые 7 соответствуют Вавилонскому царству (587–539), а еще 62 – времени от Вавилона до Антиоха; сам Антиох – семидесятая неделя; его падение служит началом царства вечной правды.

VI) Схематически изложив историю мидо-персидского царства, империи Александра Македонского и Селевкидов, пророк говорит о «последних временах», отмеченных завершающим сражением архангела Михаила с дьяволом, Страшным Судом и воскресением мертвых¹.

Пророк Даниил был на службе у Навуходоносор (605–562), но действие книги, освященной его именем, продолжается до царствования Антиоха Эпифана (215–163). Собственно, эта книга – раввинский комментарий к Библии, содержащий нравственное и религиозное наставление (мидраш агада), а вместе с тем – очерк мировой истории. С этого сложного сочинения, пронизанного многообразно повторенной символикой, начинается линейная теология истории.

Невероятно обильная еврейская эсхатологическая литература, как раввинистического, так и

¹ См.: A. Gelin (глава в кн.: A. Robert и A. Tricot. *Initiation biblique*. Desclee, 1959, с. 163–167); *Le dictionnaire encyclopedique de la Bible*. Cerf/Laffont, 1996; Pierre Grelot. *L'esperance juive a l'heure de Jesus*. Desclee, 1994, с. 36 et s.

ессейского (Кумран) направления, в главнейших чертах повторяет интуиции книги Даниила. Христианские писатели – евангелисты и отцы Церкви – также цитируют Даниила или восходят к нему. Таким образом, эта книга – важнейший источник в первую очередь иудейской, а впоследствии и христианской эсхатологии, что предполагает необходимым ее дальнейшее изучение.

Автор книги Даниила не просто говорит о счастливом или несчастном исходе испытания, ожидающего народ Божий, как делали все пророки, неизменно говорившие о будущем спасении и даже о Мессии. Он создает структуру из последовательных фаз мировой истории с народом Божиим в центре, а для изображения враждебных сил использует фантастические образы. Отталкиваясь от реальной почвы исторических событий, он постепенно воспаряет в чисто духовные, мистические выси, используя те же образы в таинственном смысле.

Шесть вариантов рассказа представляют собой один и тот же сценарий на едином историческом пространстве; все они кончаются победой – вначале и земной, и духовной, а затем преимущественно духовной. Здесь появляются необычайно ясные и не имеющие аналогов в предшествующих библейских книгах пророчества о воскресении мертвых и их счастливой или несчастной посмертной судьбе. Несколько раз повторяются расчеты, указывающие на время ожидаемого конца. «Именно начиная с книги Даниила, – пишет исследователь, – оформляется определенное представление о «конце времени», «последнем времени» (Дан. 12, 7, 9). С этого момента можно счи-

тать, что библейская эсхатология заняла прочное место в умах»¹.

Снят покров и с таинственного Царства: перед нами торжественно выводятся престол и те, кто его населяет; прежде всего это «Сын Человеческий» (данное имя впоследствии применит к себе Иисус Христос), торжествующий над историей, дающий ей окончательное завершение не только в этом мире, но и в вечности.

До книги Даниила библейские пророки постоянно возвещали эру процветания и благоденствия Израиля еще в этой, земной истории, говоря о приходе Мессии из дома Давидова, который иногда представлялся страдающим, а иногда торжествующим.

Таким образом, книга Даниила служит поворотным моментом: ведь в ней за концом истории следует воскресение мертвых и жизнь будущего века. Видно также, что таинственная фигура Мессии — иного плана, нежели просто царь из дома Давида. При всем том пророчество глубоко укоренено в истории четырех столетий, предшествовавших окончательному оформлению книги.

Сложная структура книги контрастирует с простотой и оригинальностью ее содержания, не имеющей прецедента во всей предшествующей иудейской традиции.

Отметим, однако, книгу Еноха, часть арамейского оригинала которой, считавшаяся утраченной, была обнаружена в Кумране. Ее окончательная версия написана одновременно с книгой Даниила и также говорит о времени Маккавеев. Мировая история по Еноху начинается с сотворения

¹ *Pierre Grelot*. Ук. соч., с. 310.

ангелов, а заканчивается бесконечностью нового неба, открывающейся после наказания беззаконников. Один из разделов книги – эсхатологические речения («притчи Еноховы»), вероятно, христианского происхождения, хотя их центральный персонаж – Избранник, Сын Человеческий – в отличие от Иисуса, не страдает во искупление человечества.

Ни раввинистическая традиция, ни греческая и римская церкви не признают книгу Еноха канонической (впрочем, она цитируется в послании Иуды), но в кумранских пещерах она обнаружена в нескольких экземплярах (без «притч»).

После разрушения Второго храма. К последним двум столетиям до Р. Х. и к I веку нашей эры относится обширная эсхатологическая литература, не связанная с Евангелием, которое, со своей стороны, дает новую эсхатологию, целиком сосредоточенную вокруг личности Христа.

В еврейской традиции после разрушения храма римлянами в 70 г. и подавления иудейского восстания в 135–138 гг. императором Адрианом возникла новая религиозная практика, основанная на изучении со слуха священных книг. С этой поры их состав был строго установлен, а древнееврейский текст окончательно определен. Были выведены из обихода апокрифические книги, кодифицированы раввинистическое законодательство (Галаха) и библейские комментарии (Агада).

В конце II – начале III в. рабби Иегуда составил «Мишну» – свод раввинских решений по Галахе. Впоследствии из мидрашей (комментариев) к «Мишне» раввинов палестинской и вавилонской школ III–VI в. составила «Гемара» (допол-

нение к учению) в двух версиях – палестинской и вавилонской. Наконец, Мишна и Гемара вместе образовали Талмуд (учение), имеющий версию на палестино-арамейском языке из 39 частей (Иерусалимский Талмуд) и версию на арамейском языке вавилонских евреев из 36, но более простран-ных частей (Вавилонский Талмуд).

Юридические своды и живые разговоры в какой-то мере заместили разрушенный Храм. В них нашли свое место и раввинские эсхатологические размышления – не столь интенсивные, как у ессе-ев (они еще в 60-е гг. считали, что живут в послед-ние времена), но не менее примечательные. Когда Бар Кохба возглавил священную войну (132–135), глава синедриона рабби Акиба торжествен-но объявил его Мессией. Оба они погибли в борь-бе с римлянами.

Эсхатологические ожидания Мессии в еврей-ской диаспоре, рассеявшейся по христианскому и мусульманскому миру, в течение веков принима-ли разные обличья в зависимости от места и исто-рического периода. Но прежде чем приводить примеры, попытаемся дать представление о духе этих ожиданий. Израиль – богоизбранный народ – уже в истории ожидает прихода Мессии и/или на-ступления мессианской эры, которая даст первен-ство нации, долго терпевшей угнетение среди языков. Позднее, главным образом начиная с XII в., обозначилось более мистическое направление, ко-торое сделало это ожидание фактом духовной жизни, не исключая, впрочем, социально-полити-ческой составляющей мессианизма. В конце XIX в. возник сионизм; первоначально это движение бы-ло светским, но в сущности национальная и рели-гиозная сторона в нем неразрывно связаны; он

подготовил создание в 1948 г. государства Израиль. Сионизм – одна из форм мессианских чаяний евреев. Таким образом, эта эсхатология главным образом имеет в виду историческую цель – материальную и духовную победу нации, противопоставленную беспримерным в истории тысячелетним «скитаниям». Вехи этой беспримерной судьбы народа отмечены в различные периоды изоляцией, ассимиляцией, профетизмом (пророческим, наставляющим служением), законничеством (сведением религии к набору правил), религиозной рутинной или энтузиазмом. Пятьдесят лет назад политическим центром еврейских судеб стало государство Израиль.

Мессианские и эсхатологические чаяния евреев имеют своим источником Писание, особенно книгу Даниила, о которой шла речь выше; толкование именно этой книги привело большинство еврейского народа и его вождей к непризнанию Иисуса обетованным Мессией. Христианский философ и мученик II в. Юстин вложил в уста своего собеседника-иудея Трифона следующие слова: «По его (Даниила. – *Примеч. авт.*) и другим писаниям мы ожидаем Его в величии и славе. Тот, Кто придет как Сын Человеческий, получит от Ветхого днями «владычество вечное», а ваш глаголемый Христос пришел «не имея вида и славы» и даже был предан худшему из проклятий закона Господня – был распят»¹.

В наши дни об этом говорят по-другому, как, например, Г. Шолем: «Иудаизм всегда оставался верен пониманию искупления как события, которое явно свершится на исторической сцене,

¹ *Justin. Apologies-dialogues. Grasset. 1958, c. 173.*

внутри самой общины – словом, произойдет в видимом мире и немыслимо без такого видимого явления»¹.

Таким образом, ожидаемый Мессия должен прийти во славе, а средоточием его царства будет Израиль. Ни разрушение Храма, ни рассеяние народа, ни угроза его уничтожения ничего не изменили в этих ожиданиях. Маймонид (1138–1204), великий средневековый мыслитель, уроженец Кордовы, живший в Фесе, полагал ожидание Мессии неотъемлемой частью веры Израиля: в «Книге познания» Маймонид излагает 13 ее постулатов, из которых двенадцатый – вера в грядущий приход Мессии, а тринадцатый – воскресение мертвых.

Вплоть до изгнания иудеев из Испании (1492) в еврейском мире получали распространение следующие духовные направления: законнический Талмуд (начиная со II–V вв.); мистическая Каббала (предание), первые письменные памятники которой появились около 1200 г. преимущественно в Испании (книга «Зогар» – 1280); и ранние хасидские течения, возникшие в Германии приблизительно в то же время.

Начиная с XVI в. – как раз вследствие непрекращающихся испытаний – мессианские ожидания становятся осязаемее. Особенно сильны они стали под влиянием мистика и харизматика Исаака Лурии (1534–1572), польского уроженца, жившего в Египте. Лурия придавал особое значение деланию Божьих дел человеком и ожидал скорого прихода Мессии. Впрочем, и раньше явилось несколько лжемессий, например, Абулафия

¹ *Gershom Scholem. Le messianisme juif. Agora, 1971, с. 23.*

(1280), выступивший перед папой Николаем III, или Давид Реуми, который в 1524 г. предложил папе Клименту VII повести евреев в поход на землю Израиля и вернуть христианам контроль над святыми местами.

Но самое громкое дело произошло в XVII в. Лжемессия Шаббатай Цеви, в восемнадцать лет ставший раввином в Смирне, создал вокруг себя атмосферу эсхатологических ожиданий. Пятнадцать лет он ездил по всей Турецкой империи и убедил раввина Натана из Газы признать себя мессией. Он объявил разрешенным все, что запрещала Тора, особенно в сексуальной сфере. Европейские и ближневосточные еврейские общины разошлись во мнениях на его счет, сам же он провозгласил себя «помазанником Господним». После этого его поклонниками овладел небывалый энтузиазм: их становилось все больше, они объявили Шаббатая Господом и Царем, но когда султан посадил его в темницу, он отрекся от веры и принял ислам (1666). Однако его движение существовало до 1850 г. Следствием этого чрезвычайного случая стало разочарование некоторых кругов диаспоры в личной форме мессианизма.

Мы уже говорили о существовании религиозного и даже мистического движения хасидизма (от «хасидут» – святость) в Средние Века, но более знаменито хасидское движение, основанное в XVIII в. в Подолии (Украина) Баал Шемом как реакция на мессианизм Шаббатая в предыдущем столетии. Баал Шем говорил не о внешнем, социальном мессианизме, а о духовном, внутреннем. «Хасидизм, – писал Гершон Шолем, – был движением пробуждения еврейства в изгнании. Он по-

бедил в том, что касается духовной жизни, но утратил мессианскую направленность¹.

Одновременно с этим под влиянием европейского просвещения началась секуляризация евреев, тоже в немалой степени ослабившая их мессианские ожидания, хотя и по другим причинам. Главным представителем этого движения (Гаскала, что значит «просвещение») был Мозес Мендельсон (1729–1786). Этот выдающийся мыслитель², как и повлиявший на него Лейбниц, был метафизиком-идеалистом; он занимался отношениями веры и разума, но мессианский и эсхатологический вопросы оставлял в стороне. Мендельсон добивался эмансипации своих единоверцев; в следующем столетии, под влиянием Французской революции, в 1791 г. декретировавшей равноправие евреев, они в массовом порядке секуляризировались. Постепенно, между 1850 и 1880 г., примеру Франции последовала вся Европа, кроме двух ее противоположных окраин: Испании и Португалии, с одной стороны, России и Румынии, с другой.

В конце XIX в. в Восточной Европе проживало более половины всех евреев (7–8 млн). В это время на континенте на смену религиозным гонениям на евреев пришел антисемитизм с национально-расовой окраской, причем еврейское меньшинство в христианском и мусульманском окружении составляло около 1%.

Анатоль Леруа-Больё в книге «Израиль среди народов», увидевшей свет в 1893 г., заметил, что

¹ Там же, с. 301.

² Философ Лессинг сделал его героем одного из своих произведений под именем Натана Мудрого.

еврейское мессианство, по крайней мере, на Западе, утратило личный характер: теперь оно понималось просто как мессианская эра и путалось с идеалом естественного прогресса. Страдающий Мессия Псалтири – не что иное, как сам израильский народ, униженный и затем прославленный. «Прогресс – вот истинный Мессия для современного израильтянина; вот чье грядущее пришествие он прославляет осанной. Такова новоиудейская вера, таков еврейский идеал. И многие так торопятся, что уже не говорят «Мессия придет», но – «Мессия грядет, Мессия уже пришел». Они думают, что мы уже на самом пороге мессианской эры»¹. Французскую революцию и Декларацию прав человека приняли за секулярный вариант мессианского спасения.

Леруа-Больё писал также, что этот идеал совпадал с идеалом добра христианских народов, однако евреи Османской империи и царской России его не разделяли, поскольку не получили эмансипации.

Тогда же Теодор Герцль (1860–1904) основал «Всемирную сионистскую организацию», а в 1896 г. выпустил книгу «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса». Он предложил чисто политическое средство против антисемитизма, нарастание опасности которого можно было ощутить и по «делу Дрейфуса» во Франции, и по погромам, прокатившимся по России, – это лишь два наиболее ярких примера. Его план, несмотря на мощные противодействия различного рода, привел в конце концов к созданию

¹ *Anatole Leroy-Beaulieu. Israel chez les nations. Calmann-Levy, 1971, с. 282.*

государства Израиль в 1948 г., чему способствовали и декларация лорда Бальфура (1917 г., английского министра иностранных дел, о создании еврейского национального очага в Палестине), и, в определенной степени, Холокост.

В Декларации независимости 1948 г. упоминается о рассеянии и прямо говорится, что еврейский народ «всегда непрестанно молился о своем возвращении, всегда надеялся на восстановление своей политической свободы», де-факто утраченной после завоевания Палестины Римом (63 г. до н. э.).

Формулировка принадлежности к еврейскому народу, необходимой для репатриации в Израиль, гласит, что еврей должен быть рожден от матери-еврейки и «не принадлежать к иному вероисповеданию» (изменено после поправки 1970 г.), вследствие чего в 1962 г. польскому еврею, ставшему католическим монахом (брату Даниэлю), было отказано в репатриации. Право заключать и расторгать браки в Израиле имеют только религиозные власти. Около 1/6 избирателей голосует за партии, выступающие за теократическое устройство жизни, а 30% учащихся добровольно получают религиозное образование. 3 миллиона израильтян – всего лишь четверть от общего числа евреев в мире (половина их проживает в Северной Америке). Наконец, недавние всеобщие выборы премьер-министра показали, что правые, придающие больше значения религиозной специфике Израиля, набирают чуть больше половины голосов¹.

¹ Победа лидера блока правых партий во главе с Нетаньяху на выборах в мае 1996 года. С февраля 2001 года у власти снова правые; правительство возглавляет Ариэль Шарон. – *Примеч. ред.*

Поскольку еврейская религиозная традиция ожидания Мессии еще с библейских времен обладает и социально-политическим характером, следует указать на эти знаки. Их нелегко интерпретировать, поскольку многие евреи и в Израиле, и в диаспоре – по-прежнему агностики. Споры религиозных течений касаются не столько богословских вопросов, сколько проблем соблюдения иудейского закона, причем со времени разрушения Храма (70 г. н. э.) не существует органа, наделенного законодательной властью в религиозных вопросах для всего еврейства. «Вся традиция полагала, что Израиль останется в рассеянии до славного пришествия Мессии – вождя, имеющего власть вернуть евреев не только из земного изгнания, но и из духовного рассеяния. В этом смысле его миссия понимается как восстановление единства Израиля и установление Закона в новом свете – свете спасения»¹.

В заключение скажем о попытке автора «Звезды спасения» Франца Розенцвейга (1886–1929) установить живую связь между иудаизмом и христианством. Согласно ему, Израиль положил начало спасению человечества на Синае и возвестил надежду на грядущее Царство Божие, довершающее дело спасения, христианство же в течение истории, вплоть до конца времен и до Страшного Суда, собирает это Царство в Церкви. Андре Неер придает Израилю во всемирной истории еще более широкое значение: для него Израильское государство, возникшее после драмы Холокоста

¹ *Andre Chouraqui. Histoire du judaisme. PUF, 1993, с. 117.*

(которую Розенцвейг не застал), играет провиденциальную роль, как общество, не знающее разделения на светское и религиозное, мирское и священное¹.

Таким образом, иудейская эсхатология основана на Откровении, возвещающем о конце истории. Израиль же – избранный народ в истории, вслед за тысячелетним испытанием рассеяния ожидающий спасения от Мессии-освободителя, или мессианской эры. Возвращение еврейского народа на свою землю трактуется как предвестие «эры всеобщего братства, на которую мы все уповаем, всеобщего мира и благоденствия, несомненно, обещанных в Библии. Невозможно, – сказал глава римской еврейской общины на встрече с Иоанном-Павлом II 13 апреля 1986 г. – не быть благодарным Израилю за столь необходимую функцию в деле всеобщего спасения, обещанного нам Богом».

II. — Христианская традиция

Прежде всего, необходимо особо указать на важную роль эсхатологических ожиданий в Новом Завете и на тот факт, что первые христиане ожидали второго пришествия Христа в ближайшем будущем. Даже апостол Павел, по всей вероятности, полагал, что увидит его в своей земной жизни.

Неконкретность ожидаемых сроков не случайна. Сам Христос в Евангелии иногда говорит, что конец времен близок и духовно, и исторически, но в других местах напоминает, что один Отец знает

¹*Andre Neher. L'identite juive. Payot, 1994, с. 207 ss.*

сроки этого конца; именно поэтому Он требует бодрствовать в вере – а это и есть главное испытание для Его учеников.

В посланиях апостола Павла и в Апокалипсисе Иоанна Богослова есть много эсхатологических элементов, давших повод разным версиям теологии истории, но непосредственно они говорят о том, как именно будут совершаться последние времена, называют их этапы и действующих лиц, конкретизируя и драматизируя христианскую эсхатологическую картину. Ожидается не какое-то единоразовое таинственное событие, а процесс, последовательные стадии которого очерчены вполне определенно, но невозможно назвать ни их точные сроки, ни продолжительность.

Обилие эсхатологических элементов в Новом Завете дало повод для весьма различных, подчас противоположных толкований учения Иисуса Христа о конце времен.

По одним толкованиям, Иисус учил о скором конце истории и установлении сверхъестественного мессианского Царства, которое, однако, не наступило и теперь должно ожидать при конце света. Так полагал А. Швейцер (1875 – 1965) – представитель так называемой консеквентной, или фундаментальной, эсхатологической школы. По мнению других, Царство Божие, возвещенное Иисусом, – сверхъестественная реальность, не имеющая ничего общего с земной историей. Так, Р. Бультманн, давая определение эсхатологии, противопоставляет ее истории. Это пунктуалистская эсхатологическая школа; согласно ей, ученики Христовы призваны уже в этой жизни духовно жить во Христе и не ожидать Царства Божия в

мире сем. Ч. Г. Додд утверждает, что эсхатология «уже совершилась» с пришествием Христа. Наконец, по одному из толкований Царство Божие — это Церковь, созданная Христом, в период времени от Вознесения до Парусии (Второго Пришествия), составляющая его прикровенную форму в реальности, совершающая свой путь в течение всей человеческой истории. И. К. Барт, который в конце жизни говорил не столько о Церкви, сколько об «общине», и О. Кульман, употреблявший термин «предваряющая эсхатология», соглашались, что Иисус говорил о Своем скором втором пришествии, отождествляя Царство Божие и Церковь.

Что касается католиков, то их учение решительно утверждает тождество Царства Божия с Церковью, но уточняет, что Церковь, видимая в своей иерархии и вместе с тем невидимо «проходящая через сердца» (Журне), свята, имея в своем лоне грешные члены (Павел VI).

Православные настаивают на возможности преображения мира уже в истории (Булгаков), но не отождествляют Царство Божие — Церковь с теми или иными ее историческими формами.

Мы видим, что Евангелие дает возможность для весьма различных толкований, основанных как на самих евангельских текстах, так и на интерпретациях различных богословов вопроса о природе Церкви.

История христианства позволяет «распаковать» содержание эсхатологических концепций, но тайна эсхатологии при этом остается нераскрытой.

Первые века христианства были временем преследований не узаконенной государством рели-

гии. Время от времени гонения ужесточались; христиане ставились перед выбором: поклоняться принятым обществом идолам или быть преданными смерти. Часто к Христу приводило мученичество, но вместе с тем ожидали и наступления христианской эры в самой истории. Апокалипсис говорит, что сатана будет связан на тысячу лет. Поэтому миллениаризм стал историческим горизонтом упований гонимых. Юстин, Ириней, Ипполит, Лактанций не сомневались в приходе тысячелетнего царства. Ириней Лионский – великий грекоязычный богослов II в., знавший Поликарпа Смирнского, который, в свою очередь, знал одного из учеников апостола Иоанна, специально и подробно говорит об этом будущем царстве, пророчество о котором, по его мнению, находится в Писании и вполне обосновано:

«Ибо справедливо, чтобы в самом этом мире, где они страдали и с терпением переносили всяческие искушения, они собрали и плоды своего терпения; чтобы в мире, где преданы были смерти ради любви к Богу, обрели и жизнь; чтобы в мире, где находились в рабстве, владычествовали. Ибо Господь всеми благами обладает и все во власти Его. Итак, достойно есть миру, восстановленному в первоначальном виде своем, безо всякого препятствия обретаться во власти праведных» (Против ересей, V, 32, 1).

Таким образом, праведные должны прославиться на Земле прежде вечной жизни, после пришествия и поражения Антихриста в конце VI тысячелетия от сотворения мира. Ириней говорит о трех местах, где будут находиться праведные по заслугам своим: во граде, в райском саду или на

небесах. Итак, запомним, что этот великий учитель Церкви, один из наиболее часто цитируемых в постановлениях II Ватиканского собора, говорит, что прежде собственно вечной жизни пройдет время торжества праведников на Земле.

Когда император, вчера еще бывший гонителем христианства, сам стал христианином, ситуация в корне изменилась: из «недозволенной религии» (*religio non licita*) христианство стало религией государственной. Как отреагировали на это Отцы, отныне приближенные к власти и подчас получавшие должность наставника государя?

В 426 г. Августин закончил книгу «О граде Божием». Упомянув об идее «тысячелетней субботы» для праведников, воскресших прежде Страшного Суда, он отвергает это толкование и видит в этом тысячелетии царство святых (как живущих, так и усопших) – членов Церкви, которая и есть «Царство Христово и Царство Небесное» (*De civ. Dei*, XX, 9). Кроме того, он не желает предсказывать будущие судьбы Церкви до последнего гонения, о котором говорит апостол Павел, и до Суда, о котором сказано в Евангелии. Таким образом, этот великий учитель, до наших дней вдохновляющий католическое богословие, весьма сдержан в своем эсхатологическом учении и строго держится буквы Нового Завета. Скажем также, что он выступает против толкования Писания, данного Оригеном и Григорием Нисским, которые учили, что в конце света наступит всеобщее примирение не только всех грешников, но и демонов (апокатастасис).

По всем признакам, внешняя победа христианства над языческим миром показала, как перемешались между собой «два града» – земной и не-

бесный. Так они и должны оставаться смешанными до конца, срок же конца предсказать невозможно, ибо о дне том и часе никто не знает, кроме Отца.

Время от времени беды и нестроения в самом христианстве внушали мысль, что мир уже подошел к концу и Антихрист уже действует. Только в XII веке появились авторы, оригинально мыслившие на эсхатологические темы и преодолевшие сдержанность суждений Августина о стадиях наступления конца времен. Это были выдающаяся писательница, монахиня-бенедектинка из Германии Гильдегарда Бигенская (1098–1179) и калабрийский монах Иоахим Флорский (1130–1202), основавший собственный орден. Гильдегарда библейским языком, используя символы и космические образы, описала историю творения, продолжающегося до самого конца света, особенно подробно описав период общего обращения перед концом¹.

Иоахим, толкуя Писание и особенно Апокалипсис, выделяет три эпохи: Отца – время ветхозаветных патриархов; Сына – время буквального толкования Нового Завета при посредстве священства; и Святого Духа – время духовного толкования Нового Завета в мистико-созерцательном опыте².

Иоахимитство имело серьезные последствия, внесло раскол во францисканский орден. Сам Иоахим был оправдан несколькими папами, но имел

¹ *Hildegarde de Bingen. Liber de optationum Dei*, 1163 (видение 10).

² *Joachim de Flore. In expositionem in Apocalipsim*. In: *L'Evangile eternal*, Paris, 1928, с. 91.

учеников, осужденных Церковью. Однако Св. Бонавентура в своей теологии истории воспринял некоторые элементы учения Иоахима, вернувшие эсхатологической рефлексии утраченную было напряженность.

В своем последнем неоконченном сочинении великий францисканец говорит, что прежде конца света, вслед за поражением Антихриста, наступит эра мира:

«Поистине, когда Антихрист вслед за великим разорением Церкви будет сокрушен архангелом Михаилом, – вслед за тем, как наступит Антихристу величайшая скорбь, придет, предваряя день Суда, время такого мира и покоя, какого не было от начала света»¹.

Но знать время этого события невозможно.

В XIV в. чума унесла треть населения Европы, а в XV в. папство поразил беспрецедентный кризис (в какой-то момент было три папы сразу) и Константинополь оказался во власти турок. Понятно, что в эпоху таких испытаний идея о скором конце света пала на благодатную почву и получила широкое распространение. Св. Винцент Ферье, великий чудотворец, объехал всю Европу, возвещая приход конца времен. И действительно, мир средневековья пришел к концу – и на Востоке, завоеванном турками, и на Западе, вступавшем в эпоху Возрождения и протестантской Реформации. Величайший мыслитель XV в. Николай Кузанский (1401–1464), размышляя о конце света, в таких словах говорил об эре всеобщего мира перед концом времени:

¹ *Saint Bonaventure. Les six jours de la creation, conf. 16., 1273. Desclee; Cerf, 1991, с. 336.*

«Для Церкви наступит великий покой, но это будет еще не конец. Церковь должна будет очищать себя от всякой нечистоты, дабы стать достойной небесного Жениха – Агнца Непорочного»¹.

Дух Возрождения, навеянный языческой античностью, был невосприимчив к эсхатологии, зато для эпохи Реформации характерно напряженно-эсхатологическое сознание, более заметное у протестантов, чем у католиков, и более осязаемое у лютеран, чем у кальвинистов. Лютер видел в папстве творение Антихриста, а в папах своего времени – личины Антихриста, образ которого он трактовал как собирательный. Лютер и Меланхтон были убеждены, что живут в последние времена, и стремились собрать все силы на борьбу с римским Антихристом. Потому Лютер и требовал послушания князьям; вскоре взбунтовавшиеся против вождя Реформации анабаптисты объявили Антихристом его самого².

Еще целый век после Лютера протестантская традиция, как на континенте, так и в Англии, отождествляла папу с Антихристом. Подсчитано, что с 1640 по 1653 г. 112 английских священников и проповедников выпустили в свет более 300 произведений эсхатологической тематики; с открытием Америки эсхатология обрела новые миллениаристские перспективы³.

¹ *Николай Кузанский*. Соображения о новейших временах (1452).

² *Bernard McGinn*. Antichrist: Two thousand years of the human fascination with evil. Harper, 1996, с. 212.

³ *Jean Delumeau*. Mille ans de bonheur: Une histoire du paradis. Fayard, 1995, с. 249 s.

Книга Даниила и Апокалипсис истолковывались как пророчества о мирной эре перед концом света. Сам Ньютон внес вклад в эсхатологическую мысль своего времени: он разработал правила толкования откровений Даниила и Иоанна в миллениаристском ключе¹.

Что касается католиков, то иезуиты, както Беллармино и Суарес, защищали папство, опираясь на учение священного предания об Антихристе, подкрепленное авторитетом Тридентского собора. Тут же можно напомнить и о замечательной эпопее двенадцати францисканцев², которые отправились просвещать Новую Испанию, желая основать там истинно христианский мир, свободный от пороков Старого Света.

Они получили буллу папы Льва X (*Alias felicitis*, 1521) и разрешение Карла V; их призвал к себе Кортес. В их проповедях отмечают черты, восходящие к пророчествам Иоахима Флорского о царстве Святого Духа. И действительно, в деле проповеди Евангелия на новом континенте (начиная с Мексики), где ныне живет больше половины всех католиков, есть несомненная эсхатологическая составляющая.

Итак, в XVI–XVII вв. излюбленной почвой для эсхатологических ожиданий и у католиков, и у протестантов стал Новый Свет, в котором видели идеальное место, предназначенное для наступ-

¹ *Isaac Newton. Ecrits sur la religion. Gallimard, 1996, p. 223 s.*

² См.: *Christian Duverger. La conversion des Indiens de la nouvelle Espagne. Seuil, 1987, c. 32.*

ления эры всеобщего мира в истории; некоторые называли эту эру премиллениаристской, ибо она должна будет наступить прежде второго пришествия Христа, а вслед за Его пришествием наступит эпоха постмиллениаризма.

В России эсхатологические ожидания вспыхнули вслед за расколом: староверы, не принявшие реформы литургического чина, проведенной патриархом Никоном в 1652–1658 г., увидели в ней дело Антихриста¹, а Петр Великий (1689–1725) с его политикой неумеренной модернизации в их глазах сам был воплощенным Антихристом, деятельность которого предвещала конец света.

Во Франции жили самобытные визионеры: Мари де Валле (1601–1680), последователем которой был св. Жан Эвд, и Луи-Мари Гриньон де Монфор (1673–1716). Первая – мистически одаренная неграмотная крестьянка – говорила о дуновении Св. Духа словами, отчасти аналогичными проповеди Иоахима Флорского о трех эпохах. Вторая с одушевлением библейского пророка возвещала приход апостолов последних времен. Обе они остались почти неизвестны современникам; их пророчества получили некоторый отклик лишь в XIX и XX вв. В XVIII в. эсхатологическое сознание на Западе пришло в упадок или, вернее, приняло обмирщенную форму, главной идеей которой, как увидим далее, стала идея прогресса.

В XIX в. под влиянием явлений Девы Марии (например, в Ла Салетт в 1846 г.) собственно

¹ *Аввакум* (1620–1682). Житие протопопа Аввакума, им самим написанное.

христианская эсхатология у католиков также приобрела богородичное обличие (марианский облик). Эсхатологическая тональность видения 1846 г. возбудила страсти как его защитников, в том числе Леона Блуа и Маритена, так и отрицавших его, в том числе (несмотря на официальное признание видения Римом) в среде духовенства. Самым замечательным мыслителем из богословов, писавших на эсхатологические темы, стал кардинал Джон Генри Ньюмен (1801–1890)¹.

В протестантизме эсхатология приняла характер либо экзегетический (разрабатывались фундаментально-эсхатологические интерпретации Евангелия), либо харизматический – в различного рода сектах. Следует также упомянуть, что в Соединенных Штатах появились новые религиозные движения, опиравшиеся на Библию, но не христианские – такие, как мормоны и «свидетели Иеговы». Православная Россия дала два аспекта эсхатологии: мистический – в пророчествах Серафима Саровского (1759–1833), и богословский – у Владимира Соловьева (1853–1900)².

Бердяев, утверждая, что вся русская мысль носит пророческий и эсхатологический характер, указывает на таких писателей, как Достоевский, Федоров, Соловьев и даже Толстой: все они гораздо более выражено, чем в Запад-

¹ *J.H. Newman. Quatre sermons sur l' Antichrist (1835) // L' Antichrist. Geneve, 1995.*

² *В.С. Соловьев. Краткая повесть об Антихристе (1899, из сочинения «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории»).*

ной Европе, выражают эсхатологические настроения¹.

Среди романистов и поэтов необходимо упомянуть польского поэта Адама Мицкевича (1798–1855), Леона Блуа (1846–1917) и Хью Бенсона – автора романа «Князь мира сего» (The Lord of the World, 1907).

XX век – столетие мировых войн и тоталитарных режимов – принял явные апокалиптические черты, вследствие чего эсхатологическое сознание чрезвычайно обострилось и в католическом мире, и у православных, и у протестантов. Можно сказать, что почти все знаменитые христианские богословы XX в. внесли вклад в теологические исследования вопросов эсхатологии. Среди католиков можно упомянуть Шарля Журне, Урса фон Балтазара и Жана Даниелу, у протестантов – Карла Барта, Оскара Кульмана и Альберта Швейцера, наконец, среди православных – Сергея Булгакова, Георгия Флоровского и Николая Бердяева.

Эта рефлексия не обошлась без важной роли русской революции, нацизма, а после Второй мировой войны поворот в эсхатологическом сознании стал ассоциироваться с ужасами Холокоста и с ядерным оружием, последствия существования которого мы до сих пор до конца не измерили. Но выражение эсхатологического сознания не всегда пессимистично; с приближением Юбилея 2000 г. в лице Иоанна Павла II явился харизматический пророк, возвестивший о мире:

¹ Н.А. Бердяев. Русская идея (1946).

«При наступлении третьего тысячелетия по воплощении Христовом Дух и Невеста говорят Господу Иисусу «прииди», и, как всегда, эта молитва несет в себе эсхатологический смысл, чтобы восполнить значение празднования великого Юбилея... Эта молитва отнесена к конкретному этапу истории, связанному с 2000 годом, на котором воочию явится «полнота времен» ... Мир есть также плод любви, тот внутренний мир, который немощный человек ищет в глубине своего существа, — тот вожденный мир, который человечество, вся семья людей, все народы, нации и континенты горячо желают обрести, перейдя из второго тысячелетия в третье» (Энциклика «*Dominum vivificantem*», день Пятидесятницы 1986 г.).

Мы отметим поразительную конкретность этого призыва, и с тех пор Папа еще много раз столь же конкретно говорил о «цивилизации любви». Это не конец истории, а особый момент в эсхатологии, об узловых точках которой в очередной раз говорит последний катехизис Католической Церкви:

«Прежде пришествия Христова, Церкви надлежит пройти через последнее испытание, когда многие утратят веру. Преследования, сопутствующие земному странствию Церкви, откроют «тайну беззакония» как религиозный обман, несущий людям видимое решение их проблем ценой отречения от истины. Высшим религиозным обманом будет обман Антихриста, то есть лже-мессианизм, в котором человек возвеличит себя и поставит себя на место Бога и Помазанника Его, во плоти пришедшего... Таким образом, приход Царства Божия не будет сопровождаться истори-

ческим торжеством Церкви в ходе постепенного ее возвышения, а будет победой Бога над разнужданием зла в истории, вследствие которой Его Невеста сойдет с неба на землю. Торжество Бога над бунтом сил зла произойдет как последний Страшный Суд, который наступит вслед за последним всеобщим потрясением преходящего мира сего» (п. 675).

Чаяние цивилизации любви, высказанное Иоанном-Павлом II, не противоречит катехизису, в котором говорится о невозможности «исторической победы» милленаристского толка, потому что, как увидим ниже, наступление этой цивилизации нисколько не исключает апостасии (отступления от веры) и последнего испытания верных, о которых говорил Христос в связи с концом времен.

В то же самое время мы видим, как умножаются различные харизматические движения протестантского происхождения, с поущения некоторых иерархов распространившиеся также и среди католиков. Прибавим к этому рассказы о различных видениях и личных откровениях, порождающих раздоры в церковных кругах.

Гарви Кокс, в 1960-е годы написавший работу о «секулярном обществе», развившемся, на его взгляд, в США, тридцать лет спустя был вынужден констатировать, что под влиянием харизматиков в этой стране произошло «возвращение Бога». Одновременно с этим мы видим, как в посткоммунистической России после долгих преследований с поразительной энергией возрождается религия и религиозные настроения; это происходит в разных формах, причем важную роль играют различ-

ные секты. И во всех этих движениях сильна эсхатологическая составляющая.

В православном богословии Сергей Булгаков, последователь Владимира Соловьева, допускал возможность, что в известной мере христианский идеал будет воплощен на земле как своего рода предварение торжества Царства Божьего в истории, «прообразом которого в земной жизни Христа был Его царский вход в Иерусалим». Но и он не отрицает трагизма последних дней перед Страшным Судом¹.

Что касается протестантов, Юрген Мольтманн разработал «теологию надежды», утверждая в полемике с Карлом Бартом (1886–1968), что эсхатологические чаяния в той или иной степени воплотятся и в этом мире: произойдут «гуманизация человека, социализация человечества, мир всему сотворенному»².

Необычайный успех апокалиптической литературы в США – таких, например, книг, как сочинение пастора Г. Линдсея под заглавием «Земля – последняя великая планета» (1973), распроданное в количестве двух миллионов экземпляров, – можно толковать в свете возвращения евреев в Палестину и атомной угрозы после Хиросимы. В этих двух событиях видится весьма конкретное исполнение двух новозаветных пророчеств, служащее залогом истинности и других сопутствующих предсказаний³.

¹ Прот. Сергей Булгаков. Невеста Агнца (1939; опубл. 1946).

² Jurgen Moltmann. Die Theologie der Hoffnung.

³ См.: S. D. O'Leary. Arguing the Apocalypse. Oxford University press, 1994.

Толкование эсхатологических пророчеств христианами, которые видят в Церкви скрытое до времени проявление Царства Божия, кое в чем напоминает чаяния иудеев, ибо не отрицает явления Царства в истории прежде испытаний и Страшного Суда. Более того, учение апостола Павла позволяет предположить, что это историческое, временное воплощение библейских ценностей на Земле будет связано с примирением ветхозаветного и новозаветного народов. Пока ограничимся замечанием, что если соединение разделенных христиан будет и решением вопроса о роли апостола Петра, то, аналогично, примирение христиан с иудеями будет и решением мессианского вопроса. С христианской точки зрения, это ответ на вопрос, заданный Христом: «А вы за кого почитаете Меня?» (Мф., 16, 15).

III. — Мусульманская эсхатология

Источники мусульманской эсхатологии — Коран и хадисы. Коран сначала заучивался на память, затем записывался на различных носителях и наконец, уже после смерти Мухаммеда (632), был собран воедино третьим халифом Османом (644–655). Хадисы — рассказы о поучениях Пророка, оставленные его учениками, — передавались из уст в уста и были записаны в VIII, а в более систематическом виде — в IX в. и у суннитов, и у шиитов. Последние признают только хадисы Али, зятя Мухаммеда и членов его семьи.

Эсхатологическая составляющая в Коране чрезвычайно существенна; в нем постоянно гово-

рится о конце света и последующем воскресении мертвых, которых будет судить призвавший их Бог. Никто не знает сроков суда, который, возможно уже близок, но предание (хадисы) указывает знаки, предваряющие его.

Прежде всего явится Махди (ведомый праведным путем) – посланец провидения, который установит справедливость до конца света. Это предание существует и у суннитов, и у шиитов, которые отождествляют Махди с двенадцатым имамом из дома Пророка. Многих халифов и имамов принимали за Махди и ожидали от них царства правды. Согласно хадисам, Махди должен быть родственником Пророка и царствовать семь лет. Анас бен Малик (хадис 121) утверждает даже, что Махди – некто иной, как Иисус, сын Марии при своем втором пришествии. В хадисах сказано и о том, что прежде Страшного Суда придет обманщик или антихрист (Даджаль) и установит царство зла, после чего будет побежден Махди и Иисусом:

«При явлении Антихриста все люди разделятся на три стана: одни пойдут за ним, другие укроются в земле, где растет полынь, третьи станут лагерем на иракском берегу и сразятся с ним. Наконец все верные сойдутся на поле у Шама (Дамаска) и вышлют отряд, в котором будет всадник на рыжем коне, на черном и на белом; они сразятся с антихристом и ни один не вернется живым» (Ибн Масуд, хадис 144).

Второе пришествие Иисуса (Исы, сына Мариам), который не умер на кресте, а был взят на небо, чтобы вернуться перед концом света, – один из верных знаков. Иисус будет мусульманином; он обличит христиан за то, что они почи-

тали его как Бога, умрет и будет похоронен в большой мечети Медины рядом с Мухаммедом и Абу Бакром:

«Иса будет в моем собрании судьей справедливым и имамом праведным; он сломает крест, зарежет свинью, отменит джизью (налог на немусульман) и закят (налог на мусульман), не будут их больше брать ни с овец, ни с верблюдов. Зависть и злоба исчезнут с лица земли, и всякий источник раздора; и увидят, как младенец кладет руку в пасть змее, и змея не захочет ужалить его; и девочка будет дразнить льва, и лев не повредит ей; и волк станет как пес сторожевой среди стад. Исполнится вся земля мира, как сосуд воды, и все придут в согласие и будут почитать единого Бога» (Ум Шарик, хадис 186).

Исполнив свое дело, Иса «женится, родит ребенка и останется жить на земле сорок пять лет. Его похоронят рядом со мной (Мухаммедом) в моей гробнице, и я восстану вместе с Исой из этой гробницы, так же, как Абу Бакр и Омар» (Абдалла бен Амр, хадис 190).

Еще одно знамение – нашествие варваров (Гога и Магога), которые разорят цивилизованный мир. Согласно хадисам, этих варваров отождествляют с монголами.

Явится также и Зверь: «Когда Слово падет на них, Мы нашлем на них зверя из-под земли, который велит людям не верить знамениям Нашим» (Коран, XXVII, 82).

Хадисы рисуют этого зверя в виде чудовищной змеи, ползущей вокруг Каабы в Мекке.

Кроме того, увидят, как Солнце встает на западе: «На Западе есть дверь, открытая кающимся,

ширина ее – семьдесят лет пешего пути. Она не затворится, доколе Солнце не взойдет на западе» (Савах бен Асад аль-Муради, хадис 208).

Затем земля наполнится дымом, что символизирует ослепление людей. «Люди станут поводырями, сами не имея поводыря» (Гудхайфа, хадис 137). Ко всем этим бедствиям прибавятся также землетрясения. Главное же – извращение нравов и религии станет повсеместным, останется лишь малое число праведных: «Ислам будет попран ногами и брошен, как вышивка с дорогих одежд, и никто не будет знать, что такое пост, молитва, милостыня и богослужение. В одну ночь Книга (Коран) будет забыта и не останется от нее следа на земле. Только в немногих селениях будут старики и старухи, которые скажут: «Мы слышали, как наши отцы говорили – нет бога кроме Бога»... Трижды Пророк повторил эти слова» (Гудхайфа бен аль-Йаман, хадис 204).

Наконец, произойдут общее воскресение и Страшный Суд, описанный в сурах 36 и 37 Корана. В конце Суда верные мусульмане попадут в рай, представленный как чудесный сад, разделенный на семь сфер (собственно Рай, Эдем, Сад наслаждений, Жилище мира, Сад покоя и Жилище славы Божией)¹, а грешные мусульмане и неверные (христиане, иудеи, сабеяне, маздеяне, идолопоклонники и неверующие) – в геенну, которую представляют как огненную бездну также из семи ярусов.

Влияние христианской эсхатологии, более подробно разработанной, чем иудейская, на мусуль-

¹ Так в оригинале (указано только шесть сфер). — *Примеч. пер.*

манскую весьма ощутимо; заметен и мессианизм, в котором важную роль играет Иисус (его считают пророком одной человеческой природы). Мусульмане ожидают эпохи примирения вслед за царством Антихриста, а потом, перед самым общим воскресением и Страшным Судом – времен скорби и всеобщей апостасии.

Глава III

СОБЫТИЯ И ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ЭСХАТОЛОГИИ

Эсхатологические споры развернулись во всей своей полноте в контексте христианства хотя бы потому, что эсхатология играет важнейшую роль в Новом Завете. Он дает описание действующих лиц эсхатологической драмы и теологию истории, не имеющую аналогов ни в иудейской, ни в мусульманской традициях. Последние обладают своими характерными чертами, которые мы уже отмечали и к которым вернемся впоследствии.

Прежде всего, необходимо определенно заявить, что пророчество не принадлежит истории, хотя и касается хода истории. Историк находится «на равнине» (в гуще жизни) и описывает события по мере того, как они происходят. Пророк стоит «на горе» и видит целостность фактов (в причинно-следственном отношении), которые кажутся происходящими как бы одновременно; ему важен только конечный исход, о котором он и возвещает, пренебрегая миллионом частных, важных для историка. Кроме того, пророк часто пользуется образами, которые применяет по аналогии, вследствие чего один и тот же образ может повторяться, относясь к разноплановым, неодно-

временным историческим событиям. Наконец, в христианском предании Ветхий и Новый Завет связаны единым духом, а вера всегда различает его сквозь преломления разных литературных жанров.

Возьмем, к примеру, пророчество о разрушении Иерусалима и о конце света, в Евангелии (Мф. XXIV, Мк. XIII, Лк. XXI) возведенные одновременно.

В Евангелии от Матфея, первоначально написанном, вероятно, на иврите и предназначенном в первую очередь для евреев, эсхатологической проповеди в гл. 24 предшествует укор Иерусалиму, убивающему своих пророков, и пророчество Иисуса: «Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: «благословен Грядый во имя Господне!» (Мф. XXIII, 39). Сразу вслед за тем в начале гл. XXIV предсказывается разрушение Иерусалимского храма, а затем вопрос учеников о знаках Парусии (явления) – второго славного пришествия Христа и окончания нынешнего века (эона). Вначале Христос говорит о политических, космических и религиозных потрясениях, которые приведут к отступничеству многих. Затем, поведав, что благовествование (Евангелие) Царства будет проповедано по всей земле, Он заключает: «И тогда придет конец» (Мф. XXIV, 14).

После этого Христос цитирует Даниила – слова про «мерзость запустения, ...стоящую на святом месте» (Мф. XXIV, 15). Тогда явятся совершенно ясные знаки, чтобы находящиеся в Иудее бежали в горы.

В следующем отрывке точка зрения совершенно меняется, говорится о конце времен: «Ибо, как

молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого. ... Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе... И увидят Сына Человеческого грядущего на облаках небесных с силою и славою великою» (Мф. XXIV, 27, 30).

Ученики спрашивали, когда все это будет – Христос уточняет: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Мф. XXIV, 36).

Евангелие от Луки (спутника апостола Павла) обращено преимущественно к эллинскому миру; в нем содержится уточнение, касающееся разрушения Иерусалима: «Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его... Ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей. И падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников» (Лк. XXI, 20, 23–24). У Луки указан и точный отрезок времени: «Истинно говорю вам, не прейдет род сей, как все это будет» (Лк. XXI, 32).

Пытаясь прояснить эти туманные высказывания, скажем, что пророчество здесь тройственное. Прежде всего, говорится, что никому не известен его смертный час – поэтому необходимо бодрствовать: «не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий» (Мф. XXV, 13). Эсхатологические притчи (о десяти девах, о талантах, о домоправителе), иллюстрирующие ожидание Царства, связаны с тем же осмыслением. Затем, перед нами пророческое указание на разрушение Иерусалима (если Евангелия, что весьма вероятно, создавались до 70 г.). Наконец, возвещено вто-

рое пришествие, сроков которого никто не знает, но оно последует после проповедания Евангелия «по всей вселенной» (Мф., XXIV, 14) и окончания «времени язычников» (Лк. XXI, 24). Если вспомнить обличение Иисусом Иерусалима, то там Его возвращение обещано тогда, когда евреи скажут «Благословен Грядый во имя Господне».

На связь с Ветхим Заветом указывает цитата из пророка Даниила – мы уже говорили о важности этой книги как для иудейского предания, так и для христиан.

Евангелисты упоминают его в связи с «мерзостью запустения». На самом деле пророк возвращается к этой теме в трех местах (XI, 31–32; IX, 26–27; XII, 10–13)¹.

Первое из этих мест относится к Антиоху IV Эпифану (175–165), толкнувшему Маккавеев на восстание: «И поставлена им будет часть войска, которая осквернит святилище могущества и прекратит ежедневную жертву и поставит мерзость запустения. Поступающих нечестиво против завета он привлечет к себе лестью». Второе, более таинственное, говорит, что «предан будет смерти Христос...» (в еврейском тексте – Мессия), «а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет... прекратится жертва и приношение, и на крыле святилища мерзость запустения...». Иллюстрацией к этому тексту может служить рассказ Иосифа Флавия о взятии Иерусалима Титом в 70 г. Наконец, третье место совсем иного порядка: «Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении; нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего

¹ См.: *Cardinal Billot. La Parousie. 1920.*

никто из нечестивых, а мудрые уразумеют. Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней... А ты иди к своему концу и упокоишься и восстанешь для получения твоего жребия в конце дней». «Восстание», о котором здесь идет речь, связано и с тем воскресением, о котором евангелисты говорят в связи со Страшным судом.

Таким образом, есть три возможных толкования одного и того же выражения, и относятся они к трем *разным* моментам истории.

Источниками христианской эсхатологии служат Евангелия, Апокалипсис, послания апостолов Павла и Петра. Они позволяют обрисовать действующих лиц эсхатологии и дать очерк вытекающей из этих текстов теологии истории.

Теперь обратимся последовательно к Мессии и мессианизму, двум градам (Иерусалиму и Вавилону), Христу и Антихристу, апостасии и собственно концу света — Парусии и Страшному суду.

I. — Мессия и мессианизм

Слово «Мессия» — это греческая транскрипция арамейского *mesīha*, соответствующего древнееврейскому *masiah*, что значит «Помазанник» (греч. *Christos*); в Библии это слово применяется к царям, патриархам и священникам. В псалмах и пророческих книгах, особенно у Исайи, содержится множество упоминаний о Мессии и Его времени. Чуть больше, чем за поколение до Рождества Христова (между 48 и 30 гг. до н. э.), в есеевском сочинении «Псалмы Соломона» Мессия

очень конкретно описан как идеальный царь, сын Давидов, освободитель Израиля:

«Воззри, Господи, и призови к ним их Царя, сына Давидова, во время, которое Ты знаешь, Господи, чтобы царствовал над Израилем, рабом Твоим! И препояшь Его силой, да сокрушит князей неправедных и да очистит Иерусалим от языков, попирающих и разоряющих его! ...Господь Царь наш вовеки».

Царь этот – царь мирный, он не надеется ни на оружие, ни на золото, и когда, в неведомый срок, он воцарится, Израиль познает блаженство.

Автор «Псалмов», не щадящий никого: ни чужеземных завоевателей (Помпей в 63 г.), ни хасмонейских царей, которые не были потомками Давида, ни саддукеев и фарисеев, – ожидает идеального царя – лицо историческое, хотя и воспринимаемое в глубоко религиозных тонах, – и отождествляет его с Мессией. Кумранские рукописи показали, что накануне христианской эры существовали напряженные эсхатологические чаяния; в Евангелии их отзвуки слышны и у учеников Иоанна Крестителя, и у фарисеев, не говоря уже о семье Ирода. Облик Мессии при этом неразрывно связан с иудейской эсхатологией, которая, как мы видели, строится именно вокруг идей явления Мессии в истории и особой роли Израиля среди народов.

Христиане, подавляющее большинство которых до проповеди Павла среди язычников были евреями, признали в Христе ожидаемого Мессию. Мы уже видели, что ожидание Парусии, то есть возвращения Христа, вознесшегося на небо в сороковой день по Воскресении, оставалось отне-

сенным на неопределенный срок, но религиозное значение и божественность самой личности Христа было, как показывают послания Павла и Евангелие от Иоанна, вполне осознано.

Поражает место из Послания к Филиппийцам, где Павел, неожиданно изменив тон послания, в нескольких фразах резюмирует тайну спасения человечества:

«Христос, имея образ (morphē) Божий, приобрел его не хищением (agrapton), и зная, что Он равен Богу (isa Theo), уничижил (exepausen) Себя, принял образ раба и почитался человеком. Он смирил Себя, быв послушен до смерти – смерти на кресте»¹.

Сразу вспоминается место из пророка Исайи (LIII, 2–3), где показан «Отрок»², страдающий «не имея ни вида, ни величия», муж скорбей, презираемый, униженный и уязвленный – невинный, но изнемогший от страдания искупительной жертвы.

Благодаря этому предельному самоуничижению Христос становится превознесен и благодарью получил (echarisato) «имя выше (hyper) всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено» (Фил. III, 9–10) как «небес-

¹ Переведено с текста «Иерусалимской Библии», в данном случае значительно расходящегося с Синодальным переводом. Текст последнего (Фил. II, 6–8): «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» – *Примеч. пер.*

² Так во французском и церковнославянском текстах; в Синодальном переводе «отпрыск».

ных», то есть ангелов, так и «земных», то есть людей и даже «преисподних», включая бесов – падших ангелов. Вся тварь, «все языки» (pasa glosa) должны исповедать, что «Господь (Kyrios) Иисус Христос в славу Бога Отца» (Фил. III, 11).

Исайя пророчествовал, что после Своих скорбей Отрок увидит свет и будет превознесен, а в книге Даниила (VII, 14) говорится о Сыне Человеческом, которому «даны власть, слава и царство», которому служат «все народы, племена и языки», когда наступит Его «Царство вечное».

С точки зрения, предложенной Павлом (то есть христианской), толкование пророческих текстов приводит к различению двух моментов, связанных с одним и тем же Мессией. Первый – Мессия берет на себя грехи и страдания всего мира, второй – Он возвращается в славе судить живых и мертвых. Талмудическая же традиция различает двух Мессий – сына Иосифа и сына Давидова; первый умирает в унижении, второй приходит, чтобы установить свое царство.

Коран учит, что пророк Иса не умер на кресте: «Но они не убили его и не распяли, им так только казалось» (сура IV, 157). Согласно Корану, Бог спас Ису от распятия и взял к Себе на небо до его возвращения в день Воскресения.

Как в иудейской, так и в мусульманской традиции торжествующий Мессия никак не может быть «мужем скорбей», в то время как чудо христианского спасения целиком покоится на самоуничтожении (кенозисе) Сына и последующем Его возвеличении.

В Апокалипсисе, подобно величественной фреске, начертана мессианская эпопея будущего,

совпадающая с историей Церкви, но личность Мессии здесь и только здесь представлена образом Агнца, брак Которого являет собой конец истории. Здесь надо отметить, что через весь грохот битв и тягот, представляющих вехи истории так, как она описана в Апокалипсисе, мессианская тема проходит с необычайной нежностью, в конце концов как бы затмевающей все остальное. Вседержитель Второго пришествия, грозный всадник, «Который праведно судит и воинствует» (Откр. XIX, 11), уступает в мистической напряженности побежденному и побеждающему Агнцу – символу Мессии христианства.

Книга Даниила и «Псалмы Соломона» возвещали о приходе идеального царя из рода Давидова. Значит, когда евангелисты рассказывали о том, как Иисус Христос прежде, чем был предан на смерть по своему человечеству, как скажут христианские богословы, вождями еврейского народа и представителями римского императора, вступил в Иерусалим при криках: «Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядущий во имя Господне!» (Мф. XXI, 9), они сознательно придавали глубокий смысл тайне мессианства.

Здесь содержится одна из составляющих христианской теологии истории. Церковь – сразу видимая и невидимая, скрывающая и раскрывающая тайну Боговоплощения, таинственное Тело и Невеста Христа – призвана обрести новую жизнь в истории Его земной жизни. Если так, то вход Господень в Иерусалим, о котором повествуют все четыре евангелиста, приобретает значение пророчества и может быть истолкован как обетование «цивилизации любви» прежде великого испытания перед Вторым пришествием, о которой гово-

рил Иоанн-Павел II. Тем самым иудейские мессианские чаяния и мусульманские пророчества о Махди обрели бы соответствие уже в ходе истории. Иерусалим должен стать местом обетованной встречи потомства Авраамова, а с ним и всего человечества.

«Так сознание христианина, полностью погруженное в веру, концентрируется на начале пути, на первом христианине, на Распятом, а сознание иудея, полностью сосредоточенное на надежде, устремлено к Приходящему в конце, к царственному Отпрыску Давидову»¹.

II. — Вавилон и Иерусалим

Начиная с пророчеств Исаяи (ок. 740 до н. э., гл. XXI) и книги Даниила, связанной с Вавилонским пленением после разрушения первого иерусалимского Храма (586–538), вплоть до «Мистических упражнений» Св. Игнатия Лойолы (день четвертый) и прежде всего – в «Апокалипсисе» и «Граде Божиим» Св. Августина (425), противопоставление Иерусалима и Вавилона придает именам этих двух городов символический смысл, структурирующий телеологию истории, направленную к ее окончанию.

Иерусалим – святой город, ведущий войну с Вавилоном – городом зла. Ход этого великого поединка составляет канву политической и духовной истории мира вплоть до конца света и Страшного суда.

В главах XVII и XVIII Апокалипсиса описан суд над Вавилоном. На этой грандиозной фреске

¹ Франц Розенцвейг. Звезда спасения (1921).

выведены многообразные, необыкновенные действующие лица, такие, как «великая блудница, сидящая на водах многих» (Откр. 17, 1 – метафора различных народов, толп, племен и языков). Женщина, облеченная в порфиру, украшенная золотом и драгоценными камнями, сидит на «звере багряном» (Откр. XVII, 3) с семью головами (семь холмов Рима или семь цезарей) и десятью рогами (десять грядущих царей). Узнается образный строй, использованный уже Даниилом для описания смены царств прежде пришествия «Сына Человеческого». Имя этой женщины «Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (Откр. XVII, 5); оно написано у нее на лбу как «тайна». Именно это апостол Павел называет «тайной беззакония» (2 Фесс., II, 6). Таким образом, эта блудница – императорский Рим и его языческий культ, рассматриваемый как культ дьявола – Зверя, который «ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Петр., V, 8). Цари будут служить Зверю и «вести брань с Агнцем» (Откр., XVII, 14). Затем произойдет внезапная катастрофа и Вавилон разрушится в единый час, ибо Агнец – «Господь господствующих и Царь царей» (Откр. XVII, 14). В исторических лицах, которых Зверь – дьявол использует для борьбы с Агнцем, воплощаются три главных соблазна – блуд, богатство и власть.

Эта битва возобновляется многократно и во множестве форм, но нам уже виден конец и мы уже знаем действующих лиц. В течение тысячелетнего развертывания этой драматической истории будет множество перипетий, но нам уже известно имя победителя. Всего удивительней то, сколь яростна будет борьба Агнца – Самого Гос-

пода – и Зверя – всего лишь мятежной твари, уже обреченной на гибель. Объяснить это можно, лишь введя понятие третьего града – собственно человеческого, – который и служит ставкой безжалостной борьбы, идущей в свободных сердцах, призванных принять сторону Агнца или Зверя. Августин говорил о «любви к Богу до презрения себя и любви к себе до презрения Бога». Цена этого свободного выбора такова, что Сам Господь господствующих принимает вид «Агнца как бы закланного» (Откр. V, 6), о чем уже в VI в. до н. э. говорил Второишая: «Как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его, безгласен ...» (Ис. LIII, 7).

Все это не историческое повествование, а пророчество, не связанное с определенными датами, но прямо провидящее конец, чтобы возвестить победу Агнца и крайнее напряжение битвы.

Отметим также, что противоборствующие стороны набираются без различия рас, народов и культур. Единственный критерий – духовный: следовать за Агнцем, который кажется побежденным, или за Зверем, величающимся всевозможной пышностью.

Каждое поколение и любая личность в нем призваны пройти через это таинственное испытание, причем о конкретном его завершении сказано лишь прикровенно, из уважения к свободе личности. Что касается сроков, то «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. III, 8).

Тотчас после падения Вавилона победа Агнца выражается в Его браке, который празднует бесчисленное множество людей на ликующем мистическом пиру. Подробно описывается святой город

Иерусалим: совершенный город, сходящий с неба, Храм в котором — не кто иной, как Сам Господь, Ангел. Блаженство сводится к своей основной форме: созерцанию Бога.

Значение этого недогматического вопроса отчасти увеличивается вследствие миллениаристских чаяний, постоянно обретающих в той или иной мере ошибочную форму. Гений воплощения, унаследованный христианством от иудейской традиции, не может удовлетвориться чисто аллегорическими категориями, когда речь идет об истории спасения человечества; но не менее опасны соблазны, которым поддается Вавилон в попытках реализовать всечеловеческую мечту. Полагать, что град собственно человеческий в ожидании Иерусалима небесного обречен на постоянные провалы, — вероятно, такая же ложь, как считать идеальный Иерусалим плодом одних лишь человеческих усилий, что и показали тоталитарные утопии в XX в.

III. — Христос и Антихрист

Вначале следует прояснить, как в христианском предании предстает лик Христа, а потом — образ Его таинственного противника, Антихриста.

Христос. — Великие христологические споры, связанные с соборами I тысячелетия, в борьбе с толкованиями, грозившими самому существованию христианства, постепенно очертили, Кто есть Христос. Некоторые, как Арий, отрицали Его божество; другие, подобно Несторию, не признавали за Девой Марией имени Богородицы (Theotokos); иные растворяли человеческую природу Христа в божественной (монофизитст-

во) – и это только предметы самых важных распрей. В действительности чисто человеческого выхода из положения не было, причем все: политика, нравы, языковые расхождения, география, терминология, которую как на греческом, так и на латинском языке, чтобы прийти к решению неразрешимых с виду вопросов, приходилось создавать заново, – лишь еще больше запутывало и без того сложнейшую ситуацию. Некоторые смешивали сущность (*ousia*) с ипостасью и говорили о лицах Божества, а другие отрицали слово «лицо» (*prosopon*), предпочитая называть их ипостасями.

Тайна триединства – одна сущность в трех лицах, или ипостасях, – и тайна Христа – одна ипостась (лицо) в двух природах (*physis*), – стали предметом сильнейших разногласий. Если бы вместо слова *homoousios* (единосущный), говорящего о равенстве Сына Отцу, было бы принято *homoiousios*, «подобносущный», означающее лишь подобное Богу сотворенное существо, одна буква обрекла бы христианство на гибель. При этом эти термины, в которых выражалась мысль о Боге и о Христе, были чисто философскими, а не библейскими.

Точно также довольно было одним (александрийским) богословам исходить из единства сущности, а другим (антиохийским) – из двойственности природ, чтобы возникли неразрешимые недоразумения, имевшие самые непредсказуемые последствия. Сейчас почти непостижимым кажется, каким образом в конце концов удалось прийти к согласию на основе учения, и по-гречески и по-латыни давшего на основе Писания формулировку неисповедимым тайнам,

относящимся к столь тонкой материи, как две воли Христа (божественная и человеческая), принадлежащие одному и тому же Лицу: «...Учим исповедовать Одного и Того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, Совершенным по Божеству и Его же Самого Совершенным по человечеству... познаваемым в двух природах неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо». «Проповедуем..., что в Нем и две природные воли, и два природных желания, и два природных действия нераздельны, неизменны, неразлучны, неслиянны...»¹.

На Соборах председательствовали императоры. Не все они, подобно Юстиниану, были богословами; их главной целью было не столько единство вероучения, сколько единство Империи.

Соборные определения, общие для Востока и для Запада, за исключением некоторых «дохалкидонских» Церквей (монофизиты, в частности, копты) составляют основу Символа веры. Другие источники познания личности Христа, хотя и без точных формулировок, даны многообразно одаренными мистиками Востока и Запада, вскормленными Писанием. Назовем отцов-пустынников, великих мистиков бенедиктинского, францисканского, доминиканского, кармелитского орденов, великих западных боговидиц – как монахинь, так и мирянок, – видевших евангельского Христа как Жениха Песни Песней:

«...Голова его – чистое золото; кудри его волнистые, черные, как ворон, глаза его – как голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие

¹ Постановления Четвертого и Шестого Вселенских соборов. – *Примеч. пер.*

в довольстве; щеки его — цветник ароматный, гряды благовонных растений; губы его — лилии, источают текущую мирру; руки его — золотые кругляки, усаженные топазами; живот его — как изваяние из слоновой кости, обложенное сапфирами; голени его — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях; вид его подобен Ливану, величествен, как кедры; уста его — сладость и весь он — любезность» (Песнь Песней, V, 11–16).

Результатом этих видений явилась духовная иконография Христа, несравненно более богатая, нежели картины, созданные художниками; она оказывала мощное влияние на европейскую культуру с самых ее истоков, а через нее — на весь мир, календарь которого начинается от предполагаемой даты Рождества Христова. Многие от тайны Христа преломилось через святых, отождествивших себя с Ним, и прошло через эпохи, встречая и приятие, и отторжение. Младенец в рождественских яслях, Пастырь Добрый, умирающий и воскресший, Господь Вседержитель, Друг, Жених, Судья — за два истекших тысячелетия можно разглядеть многие сокровенные лики Христа.

Антихрист. — Его не следует путать ни с «князем мира сего», ни с каким-либо из бесов. Бесы — не люди, а падшие ангелы, упоминания о которых можно встретить во всех религиозных традициях. Антихрист же — человек, непримиримо враждебный Христу, главный Его враг в человечестве. Иудейская традиция о нем практически не упоминает; напротив, исламское предание (хадисы) в своей эсхатологии, как мы видели, отводит ему значительное место. Евангелие содержит предупреж-

дение Иисуса против лжехристов (Мф. XXIV, 23), но без более подробных уточнений. Главные источники для нас – писания апостолов Иоанна и Павла: послания и Апокалипсис Иоанна и два послания к Фессалоникийцам Павла.

Апостол Иоанн указывает на главную ложь Антихриста: «Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это антихрист, отрицающий Отца и Сына. Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца...» (1 Ин. II, 22–23). Он утверждает, что явились уже многие антихристы, вышедшие из рядов христиан, имея в виду еретиков – тех, против которых Св. Ириней, знавший ученика Иоанна – Поликарпа, – написал свой большой трактат «Против ересей» (ок. 177). Дальше апостол говорит даже, что Антихрист «уже есть в мире» (1 Ин. IV, 3) – если не он сам, то дух лжи, в котором мир его слушает. Во Втором послании Иоанна также говорится об «обольстителе и антихристе» (I, 7), не признающем Иисуса Христа, пришедшего во плоти.

Апокалипсис изъясняется на другом языке, но можно думать, что «лжепророк», служащий Зверю, и есть образ Антихриста. В подробном описании (Откр. XIII, 11–18) он представлен имеющим вид агнца (с двумя рогами), но говорящим «как дракон», то есть дьявол. Он и служит Зверю, который зависим от Дракона. Лжепророк старается, чтобы жители Земли поклонились дьяволу (Зверю), как злой дух искушал Христа, постившегося в пустыне. Этот же лжепророк совершает поразительные чудеса, «так что и огонь низводит с неба перед людьми» (XIII, 13). Можно вспомнить и Прометея, который, по греческим сказаниям, похитил огонь у богов, низвел его на землю, за

что был наказан, и падшего ангела из иудейской традиции: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой» (Ис., XIV, 12–13). Лжепророк предаст смерти всех непокорных ему и велит запечатлеть на правой руке и на лбу у людей число 666.

Слова апостола Павла яснее других, хотя и весьма осторожны. В одном из своих ранних посланий он успокаивает фессалоникийцев, ожидавших второго пришествия Господа в весьма скором времени. Апостол поясняет, что прежде этого будет апостасия и явится некий загадочный человек — «человек греха, сын погибели, противящийся» (2 Фесс., II, 3–4), желающий, чтобы его почитали вместо Бога. Он будет направляем Сатаной, и при нем совершится «тайна беззакония» (II, 7). Будут явлены ложные знамения и чудеса, которые обманут тех, кто не принял спасения, данного Христом. Кроме того, Павел неявно намекает на силу, до времени удерживающую «человека греха», но ничего, кроме этого, мы не знаем; ссылки на устные пояснения, которые апостол якобы давал прежде, тоже ничего не дают. Некоторые предполагали, что имелся в виду Нерон, которого покуда сдерживали советы его наставника Сенеки (действительно, Нерон долго еще оставался в роли главного гонителя христиан). Думали также и о порядке, который обеспечивала Римская империя, до времени преграждая путь варварству, и, наконец, в духе книги Еноха, об архангеле Михаиле, про битву которого с Драконом повествуется и в Апокалипсисе (XII, 7).

Позже за Антихриста принимали некоторых императоров – Фридриха II в Германии в XIII в. или Петра Великого в России в начале XVIII, – а Лютер и другие реформаторы считали Антихристом самого папу Римского. Вл. Соловьев в своей знаменитой повести, опубликованной в 1900 г., изобразил Антихриста как аскета и филантропа. Этот рассказ производит еще большее впечатление, чем повесть Ницше, современника Соловьева, который рассказал о «сыне погибели» в автобиографическом жанре («Антихрист», 1888). Йозеф Пипер отметил некоторые черты, которые традиция приписывает Антихристу, в поведении Гитлера¹.

Наконец, отметим, что иконография Антихриста сперва изображала его как чудовище, а затем постепенно стала приписывать ему соблазнительную, но в чем-то отталкивающую привлекательность.

IV. — Апостасия и конец света

Мысль о всеобщей порче человечества встречается как в циклических построениях, где она служит знаком завершения очередного цикла перед началом нового, так и в линейной концепции, где ее наступление указывает либо на конец истории как таковой, либо предшествует очистительному испытанию прежде начала царства Мессии (в иудейской традиции), Второго пришествия (в христианстве) или конца света (в исламе).

В Ветхом Завете постоянно говорится об отступничествах и обращениях к Богу, а затем о но-

¹ Йозеф Пипер. Конец времени (1950).

вых отступничествах, приводящих к новому покаянию. Когда Моисей поднялся на Синайскую гору, где получил Десять заповедей, и долго не возвращался, народ, не дождавшись его, решил переплавить золото и отлить из него статую тельца, которой поклонялась толпа. В книгах Царств постоянно повторяются порицания: «Он творил негодное перед Господом», — или, напротив, похвалы: «Он творил угодное перед Господом».

Во времена пророка Илии (IX в. до н. э.) он оставался единственным пророком в Израиле, верным Яхве, а против него было 450 пророков Ваала, за которым следовал и народ. Три столетия спустя мы читаем у Иеремии: «народ Мой глуп — не знает Меня» (Иер. IV, 22); это время разрушения первого Храма и насильственного переселения в Вавилон (586 г. до н. э.). С тех пор, не считая одного краткого и плохо кончившегося восьмидесятилетнего периода (141–63 гг. до н. э.), Израиль утратил политическую самостоятельность и ожидал Мессию — освободителя. На постоянные метания Израиля то к своему Богу, то от него откликались и пророки до Христа, и Талмуд, и каббала, и вообще вся еврейская мистика.

В христианском учении апостасия становится еще более всеобщей: «Но Сын Человеческий пришед найдет ли веру на земле?» (Лк., XVIII, 8).

Слова апостолов Петра, Павла и Иоанна суровы. Петр приводит пример потопа, от которого спаслось всего восемь человеческих существ (2 Петр., II, 5); Павел прямо предсказывает перед концом света апостасию (2 Фесс., II, 3) и «времена тяжкие» (2 Тим., III, 1); Иоанн, наконец, свое первое послание заканчивает утверждением, что «весь мир лежит во зле» (1 Ин., V, 19).

В течение всей истории христианства видны те же колебания, что и в истории еврейского народа: периоды безразличия чередуются с покаянными движениями, возникавшими под влиянием новых пророков — святых (которых нередко признавали, первоначально отвергнув проповедуемые ими идеи).

Апостасия в собственном смысле, по-видимому, пойдет гораздо дальше. Здесь следует провести аналогию истории видимой и невидимой Церкви с земной жизнью Христа по евангельскому повествованию: вслед за смиренно-триумфальным входом Иисуса в Иерусалим народ отшатнулся от Него и предал Его на смерть. Казалось, что все погибло; с человеческой точки зрения, это было полное поражение. Все апостолы, кроме одного, разбежались, даже глава их отрекся от Учителя, остальные спрятались. После же Воскресения все совершенно переменялось и началась новая эпоха жизни — под знаком веры.

Все это заставляет думать о тяжелых испытаниях для Церкви в истории, связанных с приходом Антихриста, вследствие чего произойдет массовое отступление от веры, а христиане останутся незначительным меньшинством.

Взгляд на два последних столетия может навести на мысль, что речь идет о разочаровании в Церкви и вообще в религии среди современных европейских народов, для которых христианство являлось основополагающим корнем. По статистике активные христиане и на Западе, и на Востоке остались незначительным меньшинством; при этом разногласия среди исповедующих Евангелие столь же многочисленны, сколь и глубоки. Уже теперь можно говорить об апоста-

сии многих. В такой стране, как Франция, где три четверти населения принадлежит к католической культуре, практикующих католиков всего 10%, причем молодых среди них меньшинство. Само это меньшинство, как регулярно показывают социологические опросы, распадается на разные течения, нередко характерные непримиримыми противоречиями между собой по ключевым вопросам. Следствием этого становится малочисленность вновь рукоположенных священников. Папе Павлу VI пришлось признать:

«Ныне в Церкви великое смятение, и вопрос стоит о самой вере. Больше всего меня пугает в католическом мире то, что внутри него подчас начинает преобладать некатолическое по духу направление мысли, и может случиться, что некатолическое течение внутри католицизма возобладает, но оно все равно никогда не будет выражать мысль Церкви. Должно сохраниться малое стадо, пусть даже весьма малое»¹.

Правда, если для стран с глубокой христианской традицией подчас характерна секуляризация, в некоторых иных регионах мира христианство довольно быстро распространяется. Имеются и примеры противоположного свойства: в свое время после мусульманского завоевания территорий, на которых было распространено христианство, оно практически переставало там существовать; это доказывает, что культурные корни от-

¹ Слова, сказанные Павлом VI Жану Гиттону («Неизвестный Павел VI»). Цитируется по интервью голландского кардинала Симониса газете «30 дней» 10 октября 1995 г., с. 25.

нюдь не обеспечивают сохранение изначальной религии.

Далее речь пойдет о возможности теологизации истории, затем о Парусии и, наконец, о Страшном суде.

Под концом времен мы понимаем здесь конец истории нашего земного мира и то, что согласно традициям линейного представления об истории будет ему предшествовать.

Об иудейских мессианских ожиданиях и о признаках конца света согласно иудейской, как и мусульманской, традиции речь уже шла выше. В христианстве подобные вопросы встали еще острее и дали повод ко множеству споров, в перипетии которых имеет возможность погрузиться современный исследователь, благо существует обширная библиография по этой проблематике.

Как мы уже видели, для одних евангельское благовествование эсхатологично в буквальном смысле, так что Второе пришествие Христа ожидается в ближайшем будущем; для других скорое наступление Царства Божия мыслится прежде всего в духовном смысле, а призыв бодрствовать, многократно встречающийся в Евангелии и вообще в Новом Завете, для каждого связан с его собственной смертью. Наконец, в существовании Церкви также можно видеть сокрытое до времени наступление Царства, которое полностью и явно для всех раскроется при конце света.

Мы уже говорили о чередѣ событий, которые, согласно христианской традиции, – самой разработанной в этом отношении – должны предшествовать концу света: Антихрист, всеобщая апоста-

сия, затем Парусия, или второе пришествие Христа во славе, и, наконец, Страшный суд. С точки зрения христианства, Второе пришествие завершает собственно человеческую историю. Чтобы понять его значение, следует поставить вопрос: может ли теология истории, так сказать, свести воедино все авраамические традиции.

Как мы видели, Библия есть общая точка опоры для иудейской, христианской и, отчасти, мусульманской эсхатологии. Центральный пункт и ключевое звено конструкции всех этих моделей – мессианство – по-разному толкуется в разных традициях; однако все они следуют линейной концепции истории, имеющей абсолютное начало и столь же определенный конец. В иудейской традиции предмет ожиданий – эпоха мира в самой истории. Что касается христианства, то и здесь иногда говорится об эпохе мира, но она соотносена с драматическими событиями последних времен (Антихрист, апостасия) и заключительной победой Христа (Парусия). Мусульманское представление о конце времен включает некоторые моменты, напоминающие учение христиан, но Иисусу Христу, который для христианства – центральный стержень его тайны, у мусульман отводится лишь второстепенная роль.

Начиная с Павла VI, римские папы говорят о грядущем наступлении «цивилизации любви» на всей земле. Тем самым возрождается пророческий дух в лоне католической Церкви, которая всегда, особенно со времен Св. Августина, была в этом отношении очень осторожна. Этот пророческий дух прямо связан с явлениями Божьей Матери, признанными Церковью: в Ла Салетт (1846) и Фатиме (1917).

Поскольку, по слову апостола Павла, Церковь есть таинственное тело Христово, можно провести аналогию между жизнью Христа и ходом церковной истории. В течение первых трех веков она была гонима, затем породила в Европе органический христианский мир, позже распространилась по всей планете, но затем секуляризация и новые гонения оттеснили ее на обочину. Весть о наступлении «цивилизации любви», христианской по духу, ныне кажется парадоксальной. Но евангельское повествование подсказывает аналогию, о которой мы уже говорили, ссылаясь на Булгакова: Вход Господень в Иерусалим незадолго до Его Страстей и Воскресения. Толпа народа встречала Иисуса криками «осанна», что по-еврейски значит «спасай нас», нарекла Его «царем Израилевым» и «сыном Давидовым» — титулами Мессии. Эта демонстрация тем удивительней, что, согласно евангелисту Иоанну, Иисус перестал ходить среди народа, скрываясь от первосвященников и фарисеев, замысливших убить Его (Ин., XI, 45–51). Итак, невзирая на реальную опасность, Иисус торжественно вступил в Иерусалим, и все, казалось, говорило о том, что еврейский народ, уже много веков готовившийся встретить Мессию, признал Его в Иисусе. Но почти тотчас же толпа отвернулась от Него и потребовала Его смерти. «Цивилизация любви», аналогичная Входу в Иерусалим, не должна пониматься собственно миллениаристским образом, но это будет некий исторический период, характеризующийся великим сиянием христианского учения, связанным с примирением всех детей Авраама, которое предрекал апостол Павел в послании к Римлянам. За этой эпохой мира насту-

пят беспримерные испытания для христиан, аналогичные Страстям Христовым. После них Христос вернется во славе, произойдут воскресение мертвых и Страшный суд, прообразом которых служит Воскресение Христово, засвидетельствованное апостолами. Такое понимание «цивилизации любви» совершенно исключает всякий милленаризм в духе «New Age» и лишь проводит параллель между жизнью Христа и историей Церкви, закладывая тем самым основу теологии истории.

Скажем еще, что последование литургии по римскому и особенно по византийскому обряду также включает элементы подобной аналогии, подкрепляя тем самым названную богословско-историческую перспективу¹.

Таким образом окончательно решится и судьба Израиля, о присоединении которого к христианству прямо говорит апостол Павел: она символически соответствует Входу Господню в Иерусалим и произойдет в эпоху мира, о которой мы только что говорили.

Гений христианства – это гений воплощения, который находится в мире, но сам не от мира сего. В течение всей христианской истории богословы, мистики и пророки видели не средний, но объединяющий путь между двумя крайностями: сведением всех евангельских рассказов к простой метафоре и их утопической материализацией. Августин дал имя двум противоборствующим градам: Иерусалим и Вавилон. Но у собственно челове-

¹ В восточной литургии Св. Иоанна Златоуста при перенесении Святых Даров на алтарь поется песнь, символизирующая Вход в Иерусалим.

ского града – предмета борьбы этих двух – есть свой особый статус и свое эсхатологическое будущее, символ которого – миг, когда народ в Иерусалиме пел осанну Сыну Давидову (Мф., XXI, 9).

Второе пришествие и Страшный суд. — Парусия (Явленность) – это второе пришествие Христа в торжестве и славе

В Евангелии от Матфея Второе пришествие сравнивается с молнией, которая «исходит от востока и видна бывает даже до запада» (Мф., XXIV, 27). Им будет потрясен весь космос. Это грандиозное видение обрисовано в нескольких строках, отсылающих к тексту пророка Даниила, на который Христос намекал и в Своих словах перед первосвященником. Начнем с цитаты из Даниила (Дан., 7, 13–14):

«...Вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его – владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится».

В другом месте из Даниила (X, 5–6) это видение дополнено описанием таинственного Сына Человеческого:

«...Вот один муж, облеченный в льняную одежду, и чресла его опоясаны золотом из Уфаза. Тело его – как топаз, лице его – как вид молнии; очи его – как горящие светильники, руки его и ноги его по виду – как блестящая медь, и глас речей его – как голос множества людей».

В Евангелии от Матфея Христос, отвечая на вопрос апостолов, говорит: «...И увидят Сына Че-

ловеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою» (Мф., XXIV, 30), а перед Синедрионом объявляет: «...отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Мф., XXVI, 64). Наконец, подобным же видением открывается Апокалипсис: «Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его; и возрыдают пред Ним все племена земные» (Откр., I, 7).

Итак, Парусия описывается как пришествие во славе Христа, который, по выражению апостола Павла, «сойдет» (1 Фесс., IV, 16) навстречу живым и воскресшим из мертвых.

Заметим, что во втором послании Петра Преображение на горе Фавор описывается как «...сила и пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (2 Петр., I, 16), а в Апокалипсисе прямо сказано, что сидящий на облаке «подобный Сыну Человеческому», имея золотой венец на голове (Откр., XIV, 14), есть ангел, а не Сам Господь Вседержитель. Таким образом, одни и те же слова иногда используются для обозначения совершенно разных фактов, общее между которыми – их *явленность*.

Это Явление Христа, видимое и даже поражающее, непосредственно предшествующее Суду, не требует веры, как первое Его явление в неизвестности и в скорбях. Все увидят Его – одни к утешению своему, другие к посрамлению.

В большинстве религиозных традиций суд связан со смертью и решает судьбу каждого человека – либо окончательно и бесповоротно, либо, как в ряде циклических концепций истории, для нового воплощения. Египетская «Книга мертвых», «Одиссея», «Горгий», «Федон» и «Государство»

Платона, шестая песнь «Энеиды», зороастрийские «Гаты», индуистская «Бхагават-Гита» сообщают о разных формах суда, общее между которыми – то, что добрая или злая нравственность решают судьбу человека¹.

По Ветхому Завету, смерть связана с первородным грехом и все люди попадают в «преисподнюю», «шеол» – место тьмы, где исчезают различия земных состояний. Лишь в позднейших текстах появляются все более и более конкретные намеки на воскресение мертвых, однако саддукеи его не признавали, в то время как фарисеи учили о нем. В Талмуде и раввинских сочинениях содержатся весьма разнообразные суждения и верования насчет будущей жизни: от веры в воскресение во плоти до запрета на разговоры про тот свет; встречаются там и неоплатонические концепции. Заметим, однако, что Маймонид считал воскресение мертвых догматом веры.

При всем том в Ветхом Завете «День Господень», соответствующий Страшному суду в христианской традиции и в мусульманской эсхатологии, играет первостепенную роль. Псалмы и пророчества Исайи, Иеремии, Иезекииля, Софонии, Михея, Малахии описывают День Господень в апокалиптических выражениях, представление о которых даст цитата из Малахии:

«Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете – те и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, кто устоит, когда Он явится? Ибо Он –

¹ См.: *Georges Minois. Histoire des enfers. Fayard. 1991.*

как огонь расплавляющий и как щелок очищающий» (Мл., III, 1–2).

Предтечу Мессии иудеи отождествляют с Илией, а христиане, различающие пришествие в зраке раба и пришествие во славе, – также с Иоанном Крестителем.

Собственно Суд у евангелиста Матфея представлен как грандиозное собрание, в котором Христос, окруженный Своими ангелами, судит все воскресшее человечество, отделяя избранных, сотворивших милость, от отверженных, не сделавших этого; первые пойдут в вечную жизнь, вторые в вечную муку (Мф., XXV, 31). Критерий, указанный здесь, – не принадлежность к определенной общине или вообще Церкви и даже не вера, а дело, совершенное по внушению милосердной любви, берущей начало в любви к Богу.

От времен Отцов Церкви (Ориген, Григорий Нисский) и до наших дней под предлогом безграничности Божьего милосердия выдвигалась идея «апокатастасиса» – всеобщего примирения с Богом не только людей, но даже и бесов. Эта трактовка Писания, прямо противоречащая совершенно недвусмысленным текстам, не разделяется большинством и, в частности, католической Церковью.

Глава IV

РЕЛИГИОЗНЫЕ И НЕРЕЛИГИОЗНЫЕ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ XIX – XX ВВ.

Конец XX столетия, а с ним и конец второго тысячелетия породил много эсхатологических ожиданий и представлений, как религиозного, так и светского характера. Напомнив, что оформлению эсхатологических чаяний нередко служит милленаризм, попробуем проанализировать социологические и психологические подходы в эсхатологии. При этом не будем становиться на позитивистскую точку зрения, которая считает устранение трансцендентного измерения и секуляризацию любых предсказаний свершившимся фактом. Между сциентизмом и гнозисом есть место для подхода, с уважением относящегося к религиозному в собственном смысле слова. Тайна не тождественна мифу.

I. — Социологические подходы

Вначале рассмотрим нерелигиозные эсхатологические системы, имеющие форму идеологий, затем — эсхатологии сакрального типа, связанные с теми или иными религиозными движениями.

Ожидание некоей особой исторической эпохи проходит через всю историю человечества, многократно и многообразно отражаясь в литературных памятниках. Это мог быть «золотой век» циклических концепций – отзвук подобных представлений мы встречаем, например, в «Законах» Платона: «Итак, до нас дошло предание о золотом веке, или царстве Кроноса, о благополучной жизни тех времен, о безграничном изобилии и совершенной свободе всего и вся» (IV, 712). Образцовое государство, предназначенное для осуществления этого идеала, Платон мыслил как коммунистическое общество без частной собственности – общество, где все будут «как один человек» (V, 739).

Вергилий в IV эклоге (40 г. до н. э.) предсказывает рождение чудесного младенца, с которым возвратится первый золотой (Сатурнов) век великого космического года и начнется эра райского процветания. Когда Август стал императором, в азиатских провинциях его день рождения будут славить за 9 лет до Рождества Христова в выражениях, напоминающих Вергилия и христианские рождественские гимны:

«День сей преобразил весь мир. Мир погибал, когда новое благополучие было обетовано людям в лице рожденного в этот день. Кто видит в этом дне начало и собственной новой жизни, тот судит праведно. Провидение, неусыпно опекающее каждого человека, дало новорожденному все для блага всего рода людского; он послан как спаситель нас ради и грядущих поколений. Он истребит все войны и великолепно устроит весь мир... В день рождения божественного Августа исполнились благовествования о

его приходе. С рождением его начинается новая эра»¹.

Три века спустя наследники Августа стали христианами, и затем в течение пятнадцати веков никакая эсхатологическая система в Европе не могла конкурировать с той, что была предложена новой религией.

Секуляризация, связанная с веком Просвещения, изменила положение: место религии во всех ее формах стал занимать идеал чисто человеческого прогресса. Вслед за периодом критики настала фаза органической разработки чисто имманентного будущего человечества. Например, Кондорсе полагал, что совершенствование человеческого разума следует рассматривать «как способное к неопределенно далекому продолжению», а продолжительность человеческой жизни в будущем станет непрестанно увеличиваться и дойдет до «сколь угодно долгой»².

Религиозная революция, состоявшая в «полном, абсолютном и непротиворечивом разрешении теологии в антропологию»³, совпала по времени с промышленной и политической (французской) революцией.

За несколько лет вся Европа, самым происхождением своим связанная с распространением христианства, секуляризировалась.

¹Цитата приведена у Гарнака; цит. по: *J. Holtzner. Paul de Tarse. 1950, с. 318.*

²*Condorcet. Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain (1793) (dixieme epoque), Flammarion, с. 294.*

³Л. Фейербах. *Философия будущего (1843).*

Основатели великих идеологий, родившихся в первой половине XIX в. и оказавших решающее влияние на XX в., — Конт и Маркс — отказались от христианского Откровения как от начальной точки координат. Новое идеальное гражданство мыслилось как чисто человеческое, а эсхатология как бы растворилась в идее прогресса. Золотой век оказывался легко достижимым при помощи техники.

Религиозная эсхатология транспонировалась в мирскую. Место богословских чаяний заняли новые — культурные и материальные.

1. Миллениаристские идеологии. — Два исторических эксперимента — коммунизм русского образца и нацизм — пытались воплотить в реальность новые эсхатологические конструкции, тем самым окончательно заместив эсхатологию религиозную.

Русский коммунизм. — Русский коммунизм зародился в XIX в. в интеллигентской среде страны, практически не затронутой веяниями Французской революции, но обращенной мыслью к Европе, которую революция потрясла. Творчество Маркса, сцементировавшее революционную партию из смеси пророческого духа и экономической науки, быстро ввело в великий соблазн русских, все более тяготившихся архаичными путями самодержавного строя. Можно считать, что уже начиная с 1860-х гг. под влиянием социалистических Интернационалов в России готовилась революция. Социалистическая идея, которая со времен Платона существовала как классическая утопия, впервые становилась реальной, на практике мобилизующей силой в огромной стране, с претензией любой це-

ной, добром или силой, распространить ее на всю планету. Коммунизм Платона был дохристианским, русский же коммунизм – постхристианский, в силу чего немало у этой религии позаимствовавший. Вобрав многие христианские черты, почерпнутые в традиции православия, русский коммунизм полностью отгородился от всего потустороннего. Так называемый «русский мессианизм», будь то в славянофильской или в коммунистической форме, весь проникнут религиозностью и национализмом; именно это сделало возможным осуществление беспримерного советского эксперимента, несмотря на чудовищные трудности. Так, культ личности был плодом религиозного по происхождению идолопоклонства. Николай Бердяев показал генезис русского коммунизма в XIX в., описав этапы пути, приведшие интеллигенцию к марксизму и к революции, которая призвана была стать мировой. Традиция русской мысли от Чаадаева до Ленина (включая Соловьева) сохраняла эсхатологическую направленность: надежду на то, что историческая миссия Россия – принести миру правду. Чаадаев и Соловьев считали, что прежде, чем это случится, должно произойти соединение с Римом; Ленин же принял и секуляризировал идею Москвы как самодостаточного третьего и последнего Рима.

Прочитируем здесь учебник по научному коммунизму, изданный в 1974 году:

«Коммунизм – итог предшествующего развития человечества, высшая ступень социального прогресса. Коммунистическая культура, созданная народами, творчески переработала и усвоила все прогрессивное и разумное, что было накопле-

но человечеством. Переход к коммунизму – основное направление современного мирового революционного движения» (с. 752).

Далее говорится, что Маркс, Энгельс и Ленин «заложили краеугольные камни здания нового мира, основы строительства достойной человека жизни на земле» (с. 753).

Безрелигиозная эсхатология марксизма имела впечатляющий успех на Западе. Казалось, что марксизм «невозможно превзойти» (Сартр); многим именно он давал твердые основания не отчаиваться. Франсуа Фюре, рассказывая о крахе коммунизма, в который он верил, заключает: «История вновь стала темным туннелем, по которому бредет человек, не зная, к чему приведут его поступки. Не уверенный в своей судьбе, лишенный иллюзорного научного обеспечения своих действий, потерявший Бога, демократический индивидуум видит, как в конце этого века поколебался и кумир истории: ему предстоит заклясть еще и этот ужас»¹.

Это свидетельство заинтересованного лица выявляет природу коммунизма как секуляризированной эсхатологии, дававшей смысл человеческим действиям. Платон, как мы видели, тоже считал коммунистическую модель идеалом; само христианство выдвинуло идеал общности; по Евангелию, готовность делиться с ближним будет единственным мерилom на Страшном Суде. Разница между коммунизмом и Евангелием – не социологическая, а теологическая, хотя богословие само по себе имеет кон-

¹ *Francois Furet. Le passe d'une illusion. Livre de poche. 1995, с. 808.*

кретные социологические следствия: добровольный коммунизм от навязанного отличается свободой, благодаря которой и возможно настоящее единение.

Отметим еще, что секуляризированная эсхатология коммунизма отнесена, пользуясь выражением Кондорсе, в «сколь угодно далекое» будущее: ведь в ней все возможно, включая безграничную продолжительность жизни, и ничто не является абсолютно достоверным. В религиозной эсхатологии вера дает абсолютную уверенность, хотя и не знает времен и сроков, когда свершится чаемое.

Коммунизм в оболочке марксизма завоροжил христианский мир потому, что обращен, как и христианство, к самым обездоленным и обладает волей к действию, для которой цель оправдывает средства. В каком-то смысле марксистский коммунизм — это тот самый миллениаризм, который Св. Августин отвергал за то, что он заботится лишь о Вавилоне и забывает Иерусалим. И вот, как некогда языческий Рим, пал языческий град, познав участь Вавилона из Апокалипсиса, и падение его было в меру его земных свершений — великое.

В коммунистическом Китае, в последние годы значительно обогатившемся, существует более устойчивая версия коммунизма; поэтому причины, вызвавшие крах русского коммунизма, нисколько не касаются Срединной империи. В ней отсутствует тысячелетняя христианская традиция и вытекающее из нее разномыслие; с другой стороны, Китай способен извлечь выгоду из глобализации экономики. Вообще вся Азия может находиться под воздействием чисто мирской эсхато-

логической концепции, вытекающей из буддизма, который, как и конфуцианство, отнюдь не стремится играть роль мировой религии, провозглашая себя просто проводником человеческой мудрости.

Итак, существует концепция линейной истории, приводящей к непрекращающемуся светлому будущему; имманентные системы мудрецов способны интегрироваться в эту материалистическую структуру, в то время как трансцендентные религиозные конструкции представляют для нее опасность.

Нацизм. — Наряду с коммунизмом следует упомянуть и поразительную судьбу нацизма. Несмотря на военное поражение, нельзя не поразиться его чрезвычайно бурному распространению. В связи с этим следует помнить уроки, связанные с данным феноменом, тем более что неотъемлемой составляющей здесь выступает антисемитизм, а это придает трагедии нацизма совершенно особое эсхатологическое звучание.

В 1938 г. Герман Раушнинг выпустил в свет сборник высказываний Гитлера 1932–1934 гг. Доказательство их подлинности — не только свидетельство автора, но и практические действия новой власти после 1933 г.

В главе под названием «Антихрист» автор рассказывает про свой разговор с Гитлером о христианстве и особенно о католической Церкви.

«Религии? Всем им одна цена. Ни у одной нет никакого будущего. Во всяком случае, для немцев. Фашизм, если он того пожелает, может быть в мире с церковью. Я тоже с ней буду в мире. По-

чему бы и нет? Это мне совершенно не помешает искоренить христианство в Германии»¹.

Гитлер разгорячился и постоянно, сам того не замечая, переходя на венский диалект, развивал свою мысль. По его словам, католическая Церковь была «великим делом», просуществовавшим две тысячи лет, но теперь ее время ушло. Он претендовал на ее наследство, говоря поразительные слова: «Мы тоже Церковь» – языческая, поклоняющаяся природе, «причастная духу почвы». Этот культ несовместим с христианством, более того – ведет к ненависти к христианству. Эта языческая церковь облечена в учение, восходящее в основном к Ницше:

«Мы пришли к окончанию эры разума... Наша революция не просто политическая и социальная: при нас произойдет невиданное потрясение всех понятий о нравственности, переворот устремлений человеческого духа. Наше движение положит конец Средним векам – векам середины. Мы остановим человечество, идущее по ложному пути»².

«Новый Моисей» объявил Десять заповедей утратившими силу; более того – сама совесть объявлялась еврейской выдумкой; занялась заря новой эпохи, где религию заменит магия. «Нет больше истины», – подводит итог Гитлер. И в нравственности, и в науке «метод толкования явлений будет исходить из воли, а не из знания».

Гитлер – тоже своего рода миллениарист – предсказывал торжество своего учения на ты-

¹ *Hermann Rauschning*. Hitler m'a dit (1938). Paris, 1979, с. 91.

² *Ibid.*, с. 299.

сячу ближайших лет; его безумные мысли перемежались практическими наблюдениями, вызывая ощущение, что его речевые так называемые импровизации опирались на размышления, исключая элемент случайного. К несчастью, в его словоизвержениях была фатальная особенность: они вдохновляли массы людей на вполне конкретные действия во вселенском масштабе.

Г. Раушнинг (член нацистской партии с 1926 по 1934 г.) считал, что антисемитизм в Германии на самом деле не был популярен. Для Гитлера же он был наваждением, а еврейство – воплощением зла. Если немецкий народ – избранный народ обожествленной Природы, то Израиль, притязающий быть народом, избранным Творцом природы, – его смертельный враг. Два мировых божества не могут существовать вместе. «За фасадом гитлеровского антисемитизма, – говорит Раушнинг, – разворачивалась подлинная война богов».

Нацистский иррационализм принимал тон фанатической ярости; ему на помощь приходила пропаганда, использовавшая достижения науки, находившейся под строжайшим контролем.

Ницше в театральных выражениях предрекал эсхатологическое пришествие Сверхчеловека; Гитлер поставил всю военно-экономическую мощь Германии на службу бредовым идеям, в которых делались попытки соединить магию с достижениями техники, и едва не одержал победу.

И в коммунизме, и в нацизме мы видим феномены обмирщенных религий, стремящихся заместить собой христианство, изменить природу че-

ловека и начать новую эру человечества. В обоих случаях это начиналось с энергичных экспансионистских действий в международном масштабе. Можно считать эти идеологии наследием XIX в., поскольку теории, из которых они прямо или косвенно исходили, возникли именно тогда. Вильям Репке для теоретического объяснения этих фактов предложил «закон исторической интерференции»¹.

Согласно ему, история имеет две фазы: фазу внутреннего духовного созревания и стадию внешнего материального свершения. Таким образом, нерелигиозные эсхатологические модели XX в. стали плодами предыдущего столетия, которое, в свою очередь, унаследовало от просветителей XVIII в. скептицизм в отношении христианской эсхатологии. Больше не уповали на второе пришествие Христа: массы с триумфом приветствовали новоявленных харизматиков, ожидая, что они откроют новую эру, удовлетворят все экономические и социальные чаяния того или иного класса или народа.

Оглушительный крах этих безрелигиозных эсхатологий идеологического типа создал вакуум, потребовавший новых ответов – обмирщенно-религиозных, а вернее, мирских, но употребляющих заимствованные у религии формулировки.

2. Эсхатологические религиозные течения. — Прежде чем приступить к описанию новейшим эсхатологическим течениям религиозного типа, следует кратко упомянуть об опыте североамери-

¹ *William Ropke. La crise de notre temps (1943). Payot, 1962.*

канских мормонов и о «свидетелях Иеговы», которые по-прежнему активно действуют во всем мире и являются предметом пристальных социологических исследований.

Мормоны и Свидетели Иеговы. — Название «мормоны» (иначе «Церковь Иисуса Христа святых последних дней») происходит от «Книги Мормона», открытой Джозефом Смитом (1805–1844), полагавшим, что он обнаружил хроники древних израильтян, переселившихся в Америку. Ныне мормоны представляют собой строго организованную общину, включающую иерархию апостолов-американцев и около 6 миллионов членов, в том числе 30 000 постоянно действующих миссионеров. Вся эта община живет в непрерывном ожидании конца света. Светопреставление, назначенное на 1844 год, не состоялось, но, как ни странно, эта явная ошибка не привела к распаду общества мормонов, которые представляют себе последние времена и Армагеддон в духе Апокалипсиса. Постоянно проявляя изумительную организационную активность, они проповедуют скорое второе пришествие Христа, весьма критически отзываясь о традиционных Церквях.

Основателем «свидетелей Иеговы» был американец Чарльз Т. Рассел (1852–1916). Первоначально он был членом секты адвентистов, основанной Уильямом Миллером и предвозвещавшей второе пришествие в 1844 г.¹

¹ После смерти Миллера его движение не исчезло и в 1860 г. положило начало «Церкви адвентистов седьмого дня», требующей отдыха в субботний день (шаббат). Ныне эта церковь насчитывает 5 миллионов членов во всем мире.

Разочаровавшись в ней и ее обетованиях, Рассел основал «Общество изучения Библии» (1871) и «Уотчтауэрское общество» (1881) для распространения своих изданий. Преемник Рассела Джозеф Ф. Рутерфорд (1869–1942) дал «свидетелям Иеговы» их нынешнее имя. Их догматика отрицает божество Христа и троичность Бога, а эсхатологическое учение предсказывает разрушение мира сего и тысячелетнее царство Христа-человека во вновь созданном раю. Сперва царство Христово будет скрытым, а после 1914 года станет явным: вслед за вселенской битвой – Армагеддоном – Бог получит власть на Земле, и вместе с тем произойдет воскресение 144 тысяч избранных на небе. Конец света предсказывался в 1874, 1914, 1925 и 1975 годах, и неудача этих пророчеств не разрушила движения, ныне насчитывающего около 3 миллионов членов во всем мире.

Этот странный феномен – выживание эсхатологических движений, невзирая на ложные предсказания точных дат конца света, – не мог не стать предметом изучения социологов. Один из них, автор книги «Когда не сбываются пророчества» (1956), дал ему свое имя: «синдром Фестиджера»¹.

Синдром Фестиджера может объясняться различными причинами. Иногда членам движения говорят, что дата оказалась неправильной, но сбудется со дня на день, побуждая их тем самым стать еще активнее. Иногда посвященных уверяют, что

¹ См. об этом содержательное исследование: *Massimo Introvigne. Les veilleurs de l'apocalypse et Millénarisme et nouvelles religions au seuil de l'an 2000. Claire Vigne. 1996.*

объявленный срок отложен благодаря их молитвам или заслугам. Иногда даже заявляют, что предсказанное событие совершилось, но не тем образом, каким ожидали: так, предсказанный Расселом 1914 год стал концом не света, а эпохи. Иногда же вообще утверждают, что событие произошло, но тайно, а явными его последствия станут позднее. Во всех случаях получается парадоксальный результат: неисполнение пророчества лишь подкрепляет движение, следовавшее за пророком.

Поле наблюдений над данными феноменами следует расширить: подобное вообще происходит гораздо чаще, чем кажется. Пророк Иона предсказывал разрушение Ниневии, которое не состоялось; в Ветхом Завете не раз говорится о «раскаянии» Бога, который решает не наказывать Свой народ, нарушающий Его заповеди. Первые христиане ожидали скорого Второго Пришествия, но чем дольше оно откладывалось, тем шире распространялось христианство.

Выживание неортодоксальных религиозных движений даже после того, как отмирают породившие их причины, представляется удивительным. Но и среди светских движений регулярные пророчества о скорой победе коммунизма каждый раз очевидно опровергались; однако в течение семи десятилетий это ничуть не смущало ни советских граждан, ни их западных попутчиков. Даже страшное крушение нацистских авантюристов, обещавших своему режиму тысячелетнее владычество, не убедило определенные группировки фанатиков, которые до сих пор его ожидают.

Закон или правило, которое отсюда можно вывести, можно сформулировать так: непредсказуе-

мость будущего (вследствие свободы действий и естественной случайности событий) порождает два типа поведения: инфрарациональное – слепой фанатизм, и супрарациональное – веру, не противоречащую разуму, но превосходящую его возможности. В обоих случаях человек выходит за рамки простого рассудка – действует либо иррациональность, либо вера сверхчеловеческого происхождения.

Следует сказать и о других факторах, часто служащих подсознательными аргументами для верующих. Если к движению уже примкнуло много людей, то со стороны с достаточным основанием представляется, что оно истинно. С течением времени действия и проповеди группы тоже начинают казаться более правдоподобными. Прибавим к этому влияние исторической ситуации – того, что сен-симонисты называли «критическими», или «органическими», периодами. В критические периоды истории ставятся под сомнение существующие учреждения, а в органические – усилия направлены на создание новых.

Очертить контуры бурного потока новейших религиозных течений чрезвычайно трудно; часто упоминаемый «New Age» не поддается точному определению. Несомненно, однако, что в наше время огромную роль играет расплывчатое эсхатологическое умонастроение; различные ожидания и пророчества оказывают влияние на поведение отдельных личностей, коллективов, а вслед за этим и обширных социумов. Подробный феномен окреп не только благодаря приближению 2000 года: сказалось и разочарование в современных умонастроениях, и секуляризация

масс, связанная с отходом от Церкви большинства населения стран христианской традиции. Данную статистическую закономерность наглядно демонстрируют и социологические опросы, и простое наблюдение. Чего же ожидают люди? Конца технической цивилизации, поставившей под угрозу всю планету, или конца христианства, о крахе которого и о неприемлемости требований которого для человеческого счастья так часто говорят?

Можно задавать множество вопросов и цитировать бесчисленное количество убежденных, но абсолютно противоречащих друг другу заявлений. В качестве определенной параллели вполне можно привести последние века Римской империи перед победой христианства: там также плодилось множество сект и учений, предлагавших средства против общего упадка; тем самым империя делалась беззащитной не только перед варварами, но и перед любыми суевериями. И действительно Римская империя в конце концов рухнула, но в темные варварские времена к северу от Средиземного моря созрела христианская по своим корням Европа, а к югу — мусульманская культура. Эти цивилизации-антагонисты в течение тысячи с лишним лет пытались распространить свое влияние в мировом масштабе.

Однако представляется, что в эсхатологических ожиданиях наших дней присутствуют новые аргументы, подтверждающие в глазах некоторых мысль о скором мировом катаклизме и, возможно, конце света. Технические средства для этого налицо, а состояние духа людей не внушает особенного оптимизма, что, в частности, нахо-

дит подтверждение в заполонившей СМИ культуре насилия.

Рене Генон и Тейяр де Шарден. — Эсхатологические течения, связанные с «New Age», о которых речь пойдет дальше, часто ссылаются на двух авторов, один из которых смотрел на этот предмет в восточном духе, другой в западном. Это Рене Генон и Пьер Тейяр де Шарден.

Рене Генон (1886–1951), автор многочисленных работ о религиозных традициях, возникших до монотеистических религий, наследующих Аврааму, считал, что кризис современного мира связан с «западной экспансией», ввергшей мир в духовный и социальный хаос вследствие материализма и индивидуализма. Под влиянием индуистской традиции, он видел конец света в духе циклической эсхатологии:

«Традиционный дух не может умереть, потому что он, по сути своей, выше смерти и перемен, но он может полностью уйти из внешнего мира, и это будет настоящим «концом света». Если вспомнить все, что мы сказали, осуществление этой возможности в сравнительно близком будущем ничуть не покажется невероятным»¹.

Видя в смуте современного мира, родившегося на Западе, знак возможного «начала конца» и, в соответствии с циклической концепцией истории в индийском духе, ожидая нового миропорядка, Генон трактует нынешнюю мировую фазу как весьма мрачную, неизбежно ведущую к катаклизму. За ним должно последовать «всецелое

¹ *Rene Guenon. La crise du monde moderne* (1946). Gallimard, 1996, с. 172.

обновление»¹, ибо нынешний беспорядок во всех областях превзошел все, виданное прежде, распространившись из Европы на весь мир.

Последние годы жизни Генон провел в Каире и получил титул исламского духовного наставника (шейха). Он думал, что дух нового времени развратил и католическую Церковь. Этот циклический взгляд на эсхатологию принял и «New Age», непрестанно ссылающийся на Генона, поскольку пессимизму в краткосрочной перспективе у него противостоит оптимизм в долгосрочной: ведь за гибелью старого мира последует рождение нового в том же самом космосе.

Известность Генона в 1930-е годы может сравниться с известностью Тейяра де Шардена в 1960-е; и это при том, что последний, принадлежащий к ордену иезуитов, занимает противоположную Генону позицию, прославляя научный гений Запада и возводя его духовные истоки к христианскому Откровению.

Ученый, поэт и религиозный мыслитель Тейяр де Шарден (1881–1955) толковал в религиозно-христианском духе эволюционное учение. Финал эволюции во времени он называет «точкой Омега» и отождествляет с Христом. Его идеи во многом напоминают «творческую эволюцию» Бергсона, но он формулирует их в терминах, заимствованных из евангельского откровения. Поразительная посмертная популярность произведений монаха, которому священноначальники при жизни запрещали публиковать самые дорогие для него работы, объясняется, в частности, сплавом научного стиля мысли с религиозным;

¹ Ibid., с. 38–39.

причем все это выражено поэтическим языком. Сыграли роль и космический размах взгляда Тейяра, и его своеобразный, очень европейский рационализм. Часто сводя тайны к научным проблемам, он желал сделать веру доступной для секуляризированного мира, избавиться от богословского языка. Вокруг него создавалась атмосфера оптимизма, под влиянием которой находились некоторые франкоязычные эксперты на II Ватиканском соборе.

В отличие от Генона, эсхатология Тейяра не циклична, а строго линейна, но дух ее утратил трагизм, в христианской традиции неотделимый от сверхъестественного упования.

«Но кроме этих умолчаний, кроме бессилия перед «последними днями Вида», больше всего веру в прогресс в глазах человечества дискредитирует злосчастная, все еще явная у его адептов тенденция превращать самые благородные наши чаяния в плоский миллениаризм, отдавать их чему-то «ультрачеловеческому».

Так критикует Тейяр сведение научных ожиданий к «сверхчеловеческому», к золотому веку, понятому в духе материализма. Этому идеалу мещанско-языческого благополучия он противопоставляет «жажду сверхбытия», которая психологически «одна может спасти мыслящих землян от *taedium vitae* (пресыщения жизни)»¹.

Тейяр ставит проблему «ультрачеловеческого» скорее как ученый, чем как верующий: он формулирует ее в терминах «биогенеза» и психологических, а не теологических требований. В стиле его

¹ *Pierre Teilhard de Chardin. Hymne de l'Univers. Seuil, 1961, p. 174–175.*

изложения, для которого определяющую роль играет теория эволюции, также проявляется милленаризм.

Восточно-циклическая эсхатология Генона парадоксально соединилась с западно-линейной эсхатологией Тейяра в учении «New Age», стремящемся объединить в общем синтезе восточную мудрость и западную науку. Но прежде, чем обратиться к этому эклектическому течению, следует заметить, что эсхатологические системы XX в. произвольно смешивают религиозное с мирским, не обращая внимания на весьма четкие границы этих областей, чрезвычайно существенные для монотеистических религий откровения.

Религиозность Генона отстраняется от официальных и догматических форм, в то время как драма Тейяра состоит в конфликте между его верностью Церкви и личными взглядами, несовместимыми с церковным преданием, — например, на первородный грех. Дух этих систем объясняется непрестанно нараставшей с XVIII в. секуляризацией, порождавшей чисто имманентные идеологии; эсхатологические системы пытаются вернуть смысл истории, утерянный именно в связи если не с крахом, то с кризисом этих идеологий. Перед нами весьма примечательная культурная ситуация, имеющая аналоги в поздней Римской империи и в Ренессансе. Однако масштаб ее теперь всепланетный, а техника и средства информации имеют несравнимо больше мощи для внедрения как доброго начала, так и противоположного ему. Никогда, быть может, не было такой нужды в свободной человеческой воле, но поскольку свобода налагает свои,

подчас весьма обременительные, требования, бесчисленные пророки и общины разнообразных ориентаций предлагают свои услуги тем, кто не находит места в традиционном обществе структурах.

New Age. — Движение «New Age» как таковое восходит к 60-м годам XX века. Оно зародилось в Калифорнии, когда культурная революция поставила под сомнение «американский образ жизни». Одновременно, но совершенно в другом жанре происходила «культурная революция» в Китае, а несколько позже — движение 1968 г. во Франции и в Европе. Необходимо также упомянуть шотландский опыт Финдгорна, имевший символическое значение. Английское семейство Кэдди, глава которого потерял работу, переехало в эту шотландскую деревушку и с помощью чудесных советов мифологических существ — дэвов — насадило на иссушенных бурями песках и солончаках цветущий сад. Теоретики «New Age» Дэвид Спенглер и Джордж Тревилайен рассказали о Финдгорне, который стал «чудесным садом» Новой эры.

В наши дни «New Age» стал культурным и общественным фактом конца XX века. Расплывчатость его учения дает возможность для самых различных толкований, в которых каждый сможет найти «свою нишу».

В центре учения «New Age» — эсхатологическая система, которую можно свести к одной фразе: переход Земли от эры Рыб к эре Водолея.

Как известно, точка весеннего равноденствия расположена относительно Зодиака не неподвижно: каждые 2146 лет вследствие движения земной оси относительно эклиптики, совершаю-

щего полный цикл за 25 760 лет, она переходит в новое созвездие. Именно сейчас истекают очередные два тысячелетия – время господства христианства – и равноденствие переходит из знака Рыб (знак Христа)¹ в знак Водолея. Эра Водолея, в отличие от предыдущей, должна стать эрой мира и процветания.

Эта циклически-астрологическая эсхатология служит основным вектором всего учения, а его направляющие идеи – единство всех разумных сил, осуществленное при помощи знания в первую очередь, воли во вторую, а также науки, в том числе разработанных ею новых средств связи. Огромное всепланетное существо Гайя вберет в себя всю Землю и умы всех людей в единое целое, обладающее собственной жизнью, а каждый человек станет сознательным элементом этого целого. Здесь приходит на память Огюст Конт с его «религией Человечества», где место Бога, как еще раньше предлагал Фейербах², занимало Человечество или «Великое Существо»³.

Но ни у Фейербаха, ни у Конта нет эсхатологической перспективы, в то время как для «New Age» она чрезвычайно важна. В этом учении и религиозное, и мирское разработаны в постидеологическом духе (если иметь в виду, что великие идеологии XIX и XX вв. боролись с религией как таковой). Оригинальность «New Age» в том, что

¹ Буквы греческого слова *ichthys* (рыба) являются первыми буквами слов фразы: *Iesous Christos Theou Yios Soter* – Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель.

² Людвиг Фейербах. Сущность христианства (1841).

³ Огюст Конт. Катехизис позитивизма (1852).

он идет навстречу современному обращению к религиозности, использует богословский дискурс, но в форме гнозиса, отдающего приоритет знанию и самостоятельности Человечества, в то время как религии откровения требуют веры в Творца.

Итак, «эра Водолея»¹ должна поместить Землю и человечество в новые условия, где станет, наконец, возможно блаженство во всех его видах.

«Хотя я ничего не понимаю в астрологии, – пишет Мэрилин Фергюсон, – меня привлекла символическая мощь этой проникновенной грезы нашей народной культуры: что после эпохи тьмы и насилия – эпохи Рыб – настанет миллениум любви и света, «эра Водолея», время истинного освобождения духа»².

Для Мэрилин Фергюсон символика Водолея или, как говорили в древности, Водоноса выражает суть нового движения – «утоление жажды».

Здесь можно припомнить выражение, употребленное Тейяром де Шарденом, но его взгляд на историю был линейным, а концепция Мэрилин Фергюсон имеет циклическую структуру. Ее можно назвать «психическим миллениаризмом», про-

¹ *N. Ferguson. Les enfants du Verseau. Pour un nouveau paradigme, coll. «J'ai Lu», 1995.*

² *N. Ferguson. Les enfants du Verseau. Pour un nouveau paradigme (1980), Paris, 1981. Жан Вернетт, цитируя эти слова в своей книге (Jean Vernet. Le Nouvel Age: A l'aube de l'ere du Verseau. Tequi. 1989, с. 13), замечает, что подлинным основателем движения под знаком Водолея был Поль Лекур (1871–1954), автор книги L'ere du Verseau. Le secret du Zodiaque. Le proche avenir de l'humanite. Paris, 1937.*

возглашающим, что новые условия жизни создадут своим согласием души людей.

Не входя в детали генеалогии «New Age», нельзя не вспомнить роль Теософского общества, основанного в США Г. С. Олкоттом (1832–1907) и Еленой Петровной Блаватской (1831–1891). Они распространили свое учение в Индии, где в городе Адьяр близ Мадраса возник мировой центр теософии; там, в частности, жила Анни Безант (1847–1933) – преемница Блаватской. Одна из воспитанниц общества Алиса А. Бейли (1880–1949) прямо стояла у истоков «New Age» как новой мировой религии; 18 из 24 сочинений были продиктованы ей тибетским мудрецом Джвалом Кулом, который предсказывал «Второе пришествие Христа» (1948) как «учителя нравственности».

Алиса Бейли прямо пишет:

«Мы живем в эпоху, когда готовится не только новая цивилизация и культура в недрах нового мирового порядка, но и новое духовное учение. Путь человечества не случаен: существует божественный план Космоса, в который мы включены. В конце очередной эры кажется, что человеческие силы и общественные учреждения не могут соответствовать мировым нуждам и проблемам. В такое время массы людей во всех концах Земли ждут и призывают приход наставника, духовного вождя, аватары. И в наши дни пришествия наставника мира – того, кого христиане называют Христом, – ждут миллионы людей не только христианского исповедания, но и последователи всякой веры, ожидающие Аватары под другими именами – Господа Майтрейи, Мессии, имама Махди, Бодхисатвы. Вокруг это-

го главного события, которым Бог отвечает на человеческие чаяния, – миражи и кривые зеркала. Это неизбежно, но неважно. Важно, что совершится переход к новой эпохе»¹.

Некоторые черты христианской эсхатологии отчасти напоминают «New Age», и не случайно его теоретики ссылаются на Тейяра де Шардена. Но эти черты сходства – не аналогии, поскольку касаются лишь внешней стороны, а не глубинной сути христианства. В центре христианской эсхатологии – только личность Богочеловека Христа, а отнюдь не человечество, ведомое неким мудрецом, воплощающимся под разными видами (аватарами).

Чаще всего авторы, принадлежащие к этому течению, родились на христианском Западе и имеют западный опыт. Они желают подготовить рождение новой мировой религии синкретического типа, основателем которой станет некий особо отмеченный человек. Этот всепланетный мессианизм несовместим с правоверным христианством, поскольку находится с ним в одном космическом плане, но использует двусмысленные выражения, которые христианское предание относит к Антихристу.

Есть примеры изуверских эсхатологических движений: «Великое белое братство», созданное в Киеве в 1990 г. Мариной Мамоновой-Цвигун и Юрием Кривоноговым, предсказывавшее конец света в 1993 г. и спровоцировавшее кровавые беспорядки; японская секта «Аум синрике», организовавшая террористический акт в Токио; «Храм Солнца» в Швейцарии – секта, члены которой по-

¹ Bonne volonté mondiale. Geneve, Lucis trust.

кончили с собой. Это исключительные случаи, но вполне объяснимые — в мире насчитывается двадцать тысяч неортодоксальных сект и религиозных движений. Однако эти крайности показывают, насколько опасно возводить иррациональность в доктрину.

Поражает также сходство между кажущимся поверхностным разнообразием движений в мире различными синкретистскими учениями, которые подвергаются непрерывному взаимовлиянию: везде находим миллениаризм христианского происхождения и восточное учение о перевоплощении.

Все это связано с объективным состоянием мира, питающим эсхатологическое состояние умов. Нет сомнения, что средства разрушения, которыми располагает человечество, и их все растущее распространение создают постоянную угрозу. Верно, что бедность и порождаемое ею насилие существуют, а их фиксируют и показывают средства массовой информации. Верно также, что глубокий нравственный кризис, в качестве реакции на который поднимаются фундаменталистские учения, расшатывает психику людей, показатель чему — рост самоубийств, жертв террора, наркомании. Прибавим к этому феномен одиночества в толпе, характерный для постоянно растущего городского населения. Можно перечислять и другие симптомы недугов современной цивилизации, которая не доверяет религии и не ожидает уже от науки того, что обещали идеологии.

В водовороте подобных вызовов, засасывающих человека, говорить о «цивилизации любви» превышает человеческих сил. Но католическая

точка зрения основана на трансцендентной концепции истории. Концепция же «New Age» — чисто космическая, и упоминаемый ими (и другими эсхатологическими движениями) Христос не имеет с христианским ничего общего, кроме имени.

Вергилий, предсказывавший в 4-й эклоге рождение чудесного младенца, и пророк Исая, за восемь веков до Иисуса Христа также пророчествовавший о чудесном рождении, с виду очень похожи, но настоящей аналогии между ними нет: Вергилий имеет в виду «золотой век» мирового цикла, а пророк несет весть о мессианских чаяниях, о завершении истории сотворенного мира.

Социологические исследования не могут идти дальше констатации внешних сходств и существенных аналогий, никоим образом не доходя до первоначал и до последних выводов этих наблюдений — это уже область богословия.

II. — Психологизм в эсхатологии

Психологический подход к эсхатологии касается не конца истории, а конца жизненного пути личностей — каждой личности и ее индивидуальной истории. Тут же встает основной вопрос, на который религия и философия ищут ответ с тех пор, как существуют: смертен человек в конечном счете или бессмертен? Возможны три ответа: физическая смерть как окончательная, перевоплощение и бессмертие. Первый ответ, который дают древний и новый материализм, ограничивает судьбу каждого человека рамками его индивидуальной истории — удач-

ной или неудачной, праведной или неправедной. О. Конт предполагал, что мертвые продолжают жить в памяти людей, а наказанием недостойным служит возможность их забвения. Маркс видел в смерти тяжкую дань, которую индивидуум должен заплатить роду, а в религии — опиум для утешения народа. В XIX веке наука вообще считалась противоположной религии: между ними необходимо было выбирать. В XX веке материализм часто принимал форму агностицизма. Эту позицию кратко выразил К.Г. Юнг; он писал, что в миг смерти скажет: «Ну, вот и посмотрим»¹.

Идея перевоплощения характерна для индийской традиции и вообще для циклических концепций истории. Сейчас и на Западе проснулся интерес к этой идее, особенно у молодых людей, не получивших христианского религиозного воспитания. Тогда индивидуальная эсхатология сводится к смене различных состояний, как правило, связанных с нравственностью: поведение человека определяет новый способ его существования. Крайние ступени — окончательное осуждение или освобождение — суждены лишь немногим людям; тогда они превращаются в демонов, которых следует остерегаться, или в богов, которых молят о помощи.

О бессмертии без перевоплощения говорится в египетской «Книге мертвых» и в Библии (Шеол). Загробный мир представляется огромной темницей, но есть намеки и на воскресение для вечного блаженства или вечной муки.

¹ К.Г. Юнг. Символика, психология и религиозность (1963).

Во времена Христа саддукеи отрицали воскресение мертвых, а фарисеи проповедовали учение о нем. После разрушения Храма (70 г.) именно фарисеи установили иудейскую доктрину.

Для христиан Воскресение Христова стало условием спасения; они различают первую смерть (естественную), воскресение во плоти и Страшный Суд, который определит вечное воздаяние каждому по делам его.

Католическая Церковь разработала богословие конечных судеб, в котором выделяется частный суд сразу после смерти, ведущий либо к немедленной возможности созерцать Бога, либо к очищению в чистилище, либо к страданию в аду. Страшный Суд лишь подтверждает приговор частного суда, но на нем остаются только две возможности: спасение или осуждение души, воссоединившейся с телом.

Учение о чистилище — особенность католического предания, в котором различаются три состояния Церкви: Церковь торжествующая — Церковь святых, души которых созерцают Бога; Церковь страдающая вместе с душами чистилища; Церковь воинствующая на земле, члены которой могут стяжать заслуги как за самих себя, так и за других, в частности, за умерших.

Ислам также учит, что существует рай для мусульман (но они не созерцают там Бога) и ад для нечестивых и неверных, а также некое временное состояние, которое можно уподобить чистилищу.

1. Предсказания и «новое знание». — Тайна смерти и зла во всех его видах в течение тысячелетий порождала различные верования и толки. Секуляризация загнала их внутрь, но не помешала феномену смерти занимать в жизни современного

общества исключительное место не в последнюю очередь благодаря таким повседневным реалиям, как аборт, самоубийства, болезни (рак, СПИД), эвтаназия, терроризм, сатанизм, голод, войны, экологические вызовы. Во всем этом эсхатологические движения видят причины неизбежного скорого конца света, или уж во всяком случае нашего мира. Юнг говорил о коллективном бессознательном; «New Age» и многочисленные неортодоксальные секты предлагают глобальный, холистский взгляд на человечество как на одно неделимое существо в Космосе. Эту мысль выдвигали уже стоики в древности и О. Конт в XIX веке, но исключительное развитие средств коммуникации придало этому взгляду особую актуальность:

«Тем не менее человеческое сознание расширилось от рода до племени и от общины до нации, все больше вовлекая каждую личность в целое. Чтобы выжить в современную эпоху, точно так же настоятельно необходимо, чтобы оно расширилось от нации до планетарного масштаба, то есть до единого всечеловечества... Необходимо осознать факт, что человечество *едино*, что оно – единство во множестве и в целом духовно важнее, чем каждая из его частей... Это не значит, что мы перестаем быть индивидуальностями, ибо у каждого из нас своя уникальная роль в восхождении человечества. Это значит, что наше чувство индивидуальности будет ограничено более богатым и широким сознанием целостности человечества. Мы увидим сами себя в новом свете – свете всечеловечества»¹.

¹ Bonne volonté mondiale. Les techniques de la bonne volonté. 1, rue de Varembe, Geneve. Это движение исходит из учения Алисы А. Бейли, с. 15, 40.

Эта великая перемена сознания и должна стать новой характерной чертой ожидаемой новой эры; ради ее наступления Алиса Бейли сочинила «Великое призывание» – молитву Богу Любви о скорейшем пришествии Христа, по видимости схожую с христианской. Но «великая индивидуальность», отождествляемая Алисой Бейли с Тем, Кого христиане именуют Христом, – не Тот, о Ком говорит Церковь: он не Бог.

Отношения индивидуальности с общиной – предмет христианского богословского учения о Церкви как таинственном Теле Христовом, основные источники которого – писания апостолов Павла и Иоанна. Св. Фома Аквинский, рассуждая в философском ключе, связал это учение с учением о первородном грехе. Чтобы показать, как грех передается от праотца Адама к его потомству, необходимо было отметить, что на человека можно смотреть двояко: как на отдельного индивидуума и как на члена общины. Действие личности неотделимо от нее, поскольку человек совершает поступки посредством своей свободной воли, но также и постольку, поскольку он является членом общины, действующей совместно, через некоторых своих членов или через своего главу (*princeps civitatis*)¹:

«И действительно такое общество людей можно принимать за одного человека, поскольку различные люди, имеющие различное назначение, подобны различным членам единого естественно-

¹ *princeps civitatis* (лат.) – великие люди, столпы государства.

го тела... Итак, следовательно, все множество людей, получивших человеческую природу от своего праотца, должно рассматривать как одну единую общность или, вернее, как единое тело единого человека»¹.

Но если христианское предание видит в Христе нового Адама – одно из лиц Троицы, «Имже вся быша» и для Кого все сотворено, Главу таинственного Тела – видимой и невидимой Церкви, – то для «New Age» всечеловечество – всего лишь психологическая реальность, коллективное сознание, а Христос – только провозвестник этого сознания в грядущую эру Водолея. Эсхатологии, соответствующие этим двум точкам зрения, также принципиально различны. В ожидании Второго Пришествия у христиан есть и психологическая составляющая, но сущность его религиозная: оно основано на сверхъестественном откровении, требующем веры. Эсхатологические ожидания «New Age» и связанных с ним общин – прежде всего психологического плана: приняв космическое истолкование истории, человечество решит проблему мирового зла. Те же идеи просматриваются и в юнгианском синтезе.

2. К.Г. Юнг. — Юнг в своей автобиографии отмечает, что никогда не писал специально подробно о жизни после смерти, но за четыре года до своей кончины, в 1957 г., он посвятил этому главу в очерке «Мифологи собственной жизни». Завершая критику рационалистического редукционизма, он замечает:

¹ *Saint Thomas. De malo. Trad. par les moines de Fontgombault, NEL, t. VIII, 1992, c. 294–295.*

«Наряду со многими другими мифологическими представлениями, критический разум в последнее время вывел из употребления и идею о жизни *post mortem*. Это стало возможно лишь потому, что теперь люди чаще всего отождествляют себя со своим отдельным сознанием, думают, что они суть не более, чем то, что знают о самих себе. Но всякий, кто имеет хотя бы отдаленное представление о психологии, легко поймет, что такое знание весьма неполноценно. Рационализм и доктринерство – две болезни нашего времени, претендующие на то, что у них на все есть ответ»¹.

Юнг не считает возможным доказать существование жизни после телесной смерти, но в диалоге с бессознательным через посредство сновидений он познает в мифологической форме то, что выходит за рамки собственно рационального знания и категорий времени и пространства. Юнг признает, что мифология его жизни – уже не христианская, но он изучает Христа, сочетая психологические методы с алхимией, как исторического носителя «мировой души», как космического Человека (Антропос), явившегося в начале эры Рыб и ныне вновь ставшего предметом упований².

Указав, что выражение «Сын Человеческий» восходит к египетским и еврейским корням, Юнг предполагает, что в эпоху Августа мессианская антропология «Сына Человеческого» приняла массовый характер в противовес обожествлению

¹ К.Г. Юнг. Моя жизнь: воспоминания, сновидения и мысли (1961).

² К.Г. Юнг. Эон: исследования по истории символов.

императора: она явилась реакцией людей и целых сообществ как защита от угрозы насильственной унификации со стороны Римской империи. В наши дни, как считает Юнг, мы попали в аналогичную ситуацию в связи с характерной для современности массовизацией человечества. В такой обстановке и надежда на «новое явление Христа»¹ получает некоторое психологическое обоснование.

Таким образом, объяснить наблюдаемые в истории эсхатологические ожидания могло бы Коллективное бессознательное – понятие, в первую очередь ассоциирующееся с именем Юнга. Собственная его позиция – строгий агностицизм, но он критикует рационализм, противопоставляя ему «гностическое» учение, терминология которого весьма напоминает неоплатонический гностицизм, только Юнг говорит не о Демиурге, а о Коллективном бессознательном.

Мы регулярно наталкиваемся на одни и те же эсхатологические тенденции – ожидание конца старой эры, – внешне напоминающие христианство, но, по сути, не имеющие с ним ничего общего, как только заходит речь о самой личности Христа. Здесь можно провести удивительные параллели со спорами первых веков между церковными и гностическими мыслителями. Но есть и нечто новое: прежнюю алхимию сменили современные физика и химия, которые дали человеку возможность делом являть плоды своего мистического выбора. Время утопий и мечтаний сменилось настоящими кошмарами, и теперь надо не объяснять эти кошмары, а бодрствовать. Когда секуля-

¹ К.Г. Юнг. Моя жизнь: ...

ризация оторвала большинство людей (по крайней мере, на Западе) от религии, эстафету перехватили секты. В них-то как раз и является облик той эсхатологии, которой требует для себя обезбоженный мир.

3. Герменевтика. — Как же теперь относиться к ожиданию конца света, ставшему социальным, культурным и богословским фактом? Достаточно ли противопоставить верующих и суеверов тем, кто не имеет ни веры, ни суеверий?

Независимо от всякой веры, можно утверждать, что мир имеет конец во времени. Греческие философы не могли этого знать, мы же теперь можем рассчитать время гибели Солнечной системы; к счастью, это случится не завтра. Кроме того, усовершенствование и распространение ядерного оружия в последние полвека ставит неведомые прежде проблемы, и с совершенствованием техники эта потенциальная угроза только растет. Так, современная ядерная подводная лодка может уничтожить значительную часть человечества. Еще одна опасность — советское наследие в области ядерных вооружений: не хватает средств, чтобы надежно хранить или хотя бы обезопасить существующее оружие. Совсем недавно было ясно, кто несет за эту угрозу главную ответственность, теперь же без все новых кредитов ядерное оружие бывшего СССР чисто технически невозможно удержать под контролем. Добавим к этому, что производство новых ядерных вооружений не сокращается. Есть и другие средства массового уничтожения: химическое и биологическое оружие.

Сейчас обозначилась перспектива гибели не той или иной цивилизации, но всего челове-

ства вследствие своеобразного ядерного самобийства, которое стало технически осуществимым, а психологически — возможным после двух мировых войн, Холокоста, невероятного роста насилия во всех формах; после Чернобыля нельзя не помнить и о возможности катастрофических последствий технического сбоя. Мы далеко отошли от эсхатологии, основанной только на откровении книг, проживших тысячелетия; и если начало Вселенной, по одной из современных гипотез, состоялось вследствие эволюции во времени, то другой, трагической вероятностью становится мировой пожар по вине самих людей.

Без трансцендентного измерения мысли возникает соблазн фатализма и «спокойствия» в паскалевском смысле. Религии откровения говорят о другом: они говорят именно о конце времен, и в некотором смысле это завершение истории — одновременно и ее цель. Только конкретные обстоятельства этого движения оставлены на долю свободной воли людей, призванных быть вторичной причиной своих судеб.

С другой стороны, экологические движения вызывают к осознанию того, что планета становится все более уязвимой вследствие увеличивающейся техногенной нагрузки, безудержного роста в потреблении жизненно важных природных ресурсов. В политическом, экономическом и социальном плане причин для тревог не меньше: это нищета и ее чрезвычайно опасные последствия; иногда ее объясняют, целиком или отчасти, демографическим взрывом; в то же время проблемой считают демографический кризис в развитых странах. У терроризма мно-

го истоков, но мы наблюдаем своего рода глобализацию этого явления, вследствие чего он способен проявить себя в любом месте; этим вспышкам на руку мощь средств сообщения и совершенствование способов уничтожения человека. Обратившись к области культуры и общественного сознания, мы увидим расцвет многообразных форм нигилизма, меру глубины которого дают неуклонный рост самоубийств и распространение наркомании; и тем большую силу это придает разрушительным действиям деструктивных сил.

Можно продолжать листать этот инвентарь цивилизации смерти, но и сказанного достаточно, чтобы наглядно показать, какие мощные силы питают весьма убедительные эсхатологические конструкции, вовсе не связанные с традиционной религией, исходящей из совершенно иных посылов.

Факт индивидуальной смерти не подлежит сомнению, но самому человеку собственная смерть редко представляется со всей должной реальностью. То же и на уровне коллектива: все видят неумолимые силы разрушения, но продолжают надеяться, что в неопределенном будущем найдется и непосредственное решение этих проблем, а пока, в долгосрочном плане, они не актуальны для каждого отдельного человека, который к тому времени и так естественным образом покинет этот мир.

О том, что будет дальше, можно не думать, но нет сомнений, что кто-то задаст себе эти вопросы, и их ответы будут услышаны многими желающими знать о завтрашнем дне ради самих себя и своих потомков. Вследствие массо-

вой секуляризации, восходящей к XIX столетию, и кризиса идеологий, относящегося к нашему времени, влияние религии, которая до недавнего времени давала большей части людей (и не только активно ее исповедующих) конкретную ориентацию в вопросах о потустороннем мире, значительно ослабло. Теперь эту высвобождающуюся нишу активно занимают многочисленные астрологические и оккультные практики.

То, что принято называть обращением к религии, в западном мире по-настоящему затрагивает лишь немногих. Что же касается стран, в большей мере сохранивших верность своим религиозным традициям, неизвестно, не окажет ли современность на них такое же действие, как и на западное сообщество. Ислам представляет собой исключение, поскольку в нем внешняя обрядность вне зависимости от индивидуального выбора вплетена в жизнь коллектива; опыт показывает, что без этого обрамления наступает неизбежное разочарование в религии.

В случае, когда не услышаны ответы, даваемые религиозной традицией, их можно заместить чем угодно — отсюда проблема сект, пользующихся этим духовным вакуумом и заполняющих его разнообразными учениями, которые используют общую напряженность эсхатологической атмосферы и, еще более нагнетая ее, будоражат воображение людей во всех уголках мира. В Бразилии они обращаются прежде всего к беднякам из фавел, в Японии к разбогатевшему и пресыщенному среднему классу, в Швейцарии к людям свободных профессий, не имеющим средств к существова-

нию, во Франции – к потомкам бывших католиков левых и правых взглядов, которые по противоположным причинам отпали от Церкви после Ватиканского собора, и повсюду – к пострадавшим от жизни.

Однако традиционные ответы существуют (мы напомнили о них выше), но требуют веры, причем даже для верующих времена и сроки остаются тайной. Можно лишь наблюдать знамения времени и заключать из них, приближается конец света или еще далек. Для христиан ему предшествуют строго определенные этапы: апостасия, приход Антихриста, проповедание Евангелия по всему миру, примирение христиан с еврейством и, наконец, Парусия – явное всем пришествие Христа во славе.

Спор об эсхатологии разворачивается сразу в нескольких плоскостях: рациональной, иррациональной и богословской, то есть рациональной на основе откровения, требующего веры, – так что недоразумения неизбежны. Во всяком случае отметим, что все – верующие и неверующие в Божество Христа – говорят о Его имени. Конец света все ожидают и предсказывают, опираясь на Новый Завет, используя выражения, взятые из Евангелия и Апокалипсиса. Например, приближение 2000 года осталось бы простой календарной условностью, если бы христиане и в первую очередь церковные власти, а особенно Иоанн-Павел II, в свете библейской теологии истории не придавали ему не только символическое, но также мистическое и литургическое значение. Именно здесь, как это ни парадоксально, корень эсхатологических ожиданий нашего времени, когда налицо массовое разочарование в христи-

анстве в тех странах, где оно исторически было более всего распространено.

Можно было бы сказать, что коллективное бессознательное в поисках самовыражения выбирает соответствующие символы или что главную роль здесь играет доминирование западной технологии и СМИ. Как бы то ни было, эсхатологическая перспектива стала фактом общественного сознания, вытеснившим ожидание светлого будущего, обещанного идеологиями, родившимися в XIX и во всю силу развернувшимися в XX веке. Мальро заявил, что XXI век будет веком метафизики и религии, но при этом не уточнил, что именно эсхатология станет двигателем возвращения к религии.

Говорить в эсхатологическом ключе – значит указывать, что наступит конец времени, предполагая известным, что такое время. Но еще Св. Августин спрашивал: «Что такое время? Когда меня никто об этом не спрашивает, я это знаю, когда же меня спрашивают и просят объяснить – не знаю»¹.

Он замечает, что прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее непрерывно переходит в прошлое, переставая быть настоящим, и делает вывод, что бытие времени возможно только в его стремлении к небытию. Нельзя ли его определить как меру движения, измеряемую сознанием².

Августин предпочитает говорить о «растяжении души». Время – психологический факт: прошлое существует как воспоминание, а будущее как ожидание.

¹ Августин. Исповедь.

² Аристотель. Физика, IV, 14, 224а 1.

Таким образом, эсхатология – ожидание конца времени, которое завершится либо небытием, либо вечностью. Исторически, как мы видели, эсхатология всегда мыслилась в лоне религии и лишь в XIX в. секуляризировалась. В канун XXI в. религиозные категории, часто напрочь оторванные от церковной традиции, толкуют ожидание конца по-новому: в перспективе синкретизма, который релятивизирует содержание христианства, принося в жертву самую его суть, а именно воплощение вочеловечившегося Бога в лице Христа. Гностические учения первых веков христианской эпохи вновь стали на удивление актуальны; но если во времена раннего христианства эсхатологические ожидания были весьма напряженными в среде самих христиан, то у наследников они поблекли. Нередко этой важной составляющей христианского предания вовсе пренебрегали. Даже внутри самой Церкви, в том числе католической, необходимая церковная иерархия часто приходит к столкновению с пророческим и мистическим духом. Быть в мире, будучи не от мира, как требует Евангелие, всегда было нелегко; гностические учения утверждают, что могут недорогой ценой разрешить этот парадокс.

Современные эсхатологические учения хотели бы избавить людей от трагедии ценой избавления от тяжкого бремени свободы в мире, где они привыкли к одиночеству. Сегодня нарастает стремление вновь разговаривать, но не со своими соседями, а с виртуальными друзьями, которых можно создавать по своему усмотрению. Чрезвычайный успех соответствующих сочинений, музыкальных стилей, чисто имманентных рели-

гиозных движений служит знаком этого безотчетного ожидания конца нынешнего периода и перехода в иные, проступающие в дымке времена. Но если время есть «растяжение души», можно прийти к выводу, что ощущение скорого конца – плод особой коллективно-индивидуальной духовной ситуации. Если религия в той или иной форме не дает абсолютного направления движения к свободе, движущая ею любовь придет в упадок и обратится в ненависть: ненависть к другому – объекту насилия; ненависть к самому себе – в самоубийстве; ненависть к жизни вообще и служение смерти в частности.

Это можно было бы оспорить, следуя Огюсту Конту, который требовал изучать «как» всех вещей, а не их метафизически-религиозное «почему». Выбор пути – достояние, по праву принадлежащее свободе воли, но эсхатологическая перспектива неизбежно требует интереса именно к «почему», а не только «как». В XIX в. науку нередко обожествляли, а в последующем столетии торжество «как» привело к опустошению душ. Возрождение эсхатологии – своего рода реванш «почему», питающего нетерпеливое ожидание грядущего столетия, начинающего также и новое тысячелетие; причем полностью сохраняется символическое значение связи этого календаря с христианством: прямо или косвенно, оно остается сердцевиной эсхатологических представлений нашего времени.

Чтобы пояснить, как современные умонастроения соотносятся с эсхатологией, можно сравнить их с умонастроениями века Просвещения, который обрел свое самое последовательное выражение в философии Канта.

С 1784 по 1794 гг. Кант выпустил в свет несколько сочинений, посвященных философии истории и даже концу истории¹.

Заглавия его трактатов и статей достаточно красноречивы: философ намеревается определить цель человеческой истории, реализующей «сокрытый план природы», но с учетом того, что «из такого сучковатого дерева, как то, из которого сделан человек, нельзя сделать ничего совершенно прямого» (1784, постулат VI)².

В конце концов, думал Кант, разум победит и «Царство Божие на земле» будет построено (1792). Здесь он применяет богословское выражение, но смысл его слов – чисто рационалистический: дело в том и заключалось, чтобы заменить церковную веру царством разума, не имеющего отношения к сверхъестественному откровению. Ведь, рассматривая три возможных варианта будущего человечества: постоянный прогресс к лучшему, застой или регресс, – последний Кант отбрасывает как абсолютно немыслимый, а первый считает наиболее вероятным. Кант был свидетелем Французской революции, которая говорила от имени Разума, отбрасывая все предрассудки, в том числе и религиозные. Он не думал, что в современной ему Франции все совершенно,

¹ Э. Кант. Идея всеобщей истории, предназначенная для всего человечества (1784). Предполагаемое начало истории человечества (1786). Победа добра над злом и установление Царства Божьего на земле (1792). Идет ли человечество постоянно по пути к лучшему? (1792); Конец света (статья, 1794). К вечному миру.

² Здесь мы опираемся на замечательную работу Йозефа Пипера «Время конца времени» (1950).

но идеал, провозглашенный Учредительным собранием, был знаменем, что человечество идет в этом направлении. Для автора «Критики чистого разума» это было не просто оптимистическое предположение, а строгое следствие из теоретических предпосылок. Постепенно исчезнет насилие, войну сменит мир – «вечный мир». Может случиться, допускает Кант, что технический прогресс пойдет быстрее нравственного, но в конце концов нравственность восторжествует, а с ней и «царство Божие» – бога Разума. Между прочим, рассматривая чисто теоретически, что могло бы привести к крушению прогресса, философ замечает, что если бы христианские церкви отреклись от сочувствия миру сему, то христианство перестали бы считать человеколюбивым и достойным человеческой любви. Тогда восторжествовали бы страх и корысть и настало бы царство Антихриста – так на богословском языке символически, по мнению Канта, называется реальность, которую он считает невероятной.

В следующем столетии Огюст Конт шел по тому же пути, но из своей терминологии он изгнал всякий намек на Писание. Его «закон трех стадий» – теологической, метафизической и позитивной – якобы давал возможность предвидеть будущее: мир постепенно одержит верх по мере того, как воинский пыл будет сменяться деловой активностью. Увенчать торжество разума и человеколюбия на вечные времена должна была новая позитивная религия.

Этот взгляд назад позволяет представить, насколько умонастроения прошлого далеки от нашего времени, которое «лучше осведомлено» (Шарль Пеге), реальна ли возможность

всеобщего мира и даже долгой жизни самой планеты.

Кант и Конт предлагали философию истории, не связанную с традицией, со священным Откровением. Ныне эсхатология стала предметом напряженных раздумий, основанных на фактах и откровениях, но богословия обычно нет и в них, а философская необоснованность постоянно сводит эти размышления к духовным банальностям, не способным оказать влияние на историю нашего времени.

И рационалистическое, и гностическое изучение эсхатологии может оказаться всего лишь игрой слов или воображения, подвластного нашим эмоциям. На самом деле, чтобы эсхатология получила свой собственный статус – исследования проблемы конечности человеческого рода, – необходим широчайший охват знаний. Раз именно религии Откровения впервые увидели конец времени и материального мира и даже пророчествовали о нем, с этим подобает считаться, используя хотя бы выработанную ими в длительном процессе терминологию. Ни во времена Аристотеля, ни во времена Канта чистый разум не был в состоянии разглядеть «эсхатон» – конец всего: сам по себе он мыслился либо возвращением по кругу, либо прогрессом в бесконечность. Для верующих эсхатология – тайна, к которой у них нет ключа. Христиане имеют множество эсхатологических текстов, но они не просто не знают о дне и часе конца: даже те знамения и стадии, которые им открыты, лишь увеличивают в их глазах глубину этой бездонной тайны.

СЛОВАРЬ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Антихрист – от греч. antichristos, «противник Христа», а не от латинского ante Christum, «прежде Христа». В Евангелиях не упоминается, однако апостолы Павел во Втором послании к фессалоникийцам (II, 4–10) и Иоанн в Первом послании (II, 18) говорят об Антихристе и даже об «антихристах» – не ангелах, а людях, действующих по наущению Сатаны. Апокалипсис упоминает нескольких противников Христа и Его Церкви: Сатану, Зверя, лжепророка, – но слова «Антихрист» в нем нет.

Апокастасис (греч. apokatastasis – «восстановление», возвращение в прежнее состояние) – теория, согласно которой все грешники и даже бесы при конце мира будут прощены. Ориген, развивавший эту теорию, был за нее осужден на Константинопольском соборе 543 г.¹

Ее разделял Григорий Нисский, защищали, каждый по-своему, православный богослов Сергей Булгаков и протестантский – Карл Барт. Св. Августин критиковал эту идею; Римская Церковь ее не принимает.

¹ На V Вселенском соборе. Сам Ориген жил в III в. – *Примеч ред.*

Ассизи – родной город Св. Франциска в Умбрии; здесь же в средневековой базилике покоятся мощи святого. В ноябре 1986 г. Иоанн Павел II пригласил представителей всех религий собраться в Ассизи для совместной молитвы о мире. С тех пор в городе регулярно происходят экуменические собрания.

Большой взрыв (Big bang) – термин, используемый для обозначения начала мира после того, как открытия Э.П. Хаббла (1926) подтвердили теорию расширения вселенной.

Второе Пришествие – см. Парусия.

Грех. Понятие греха – непослушания, неверности или бунта – присутствует во всех религиозных традициях человечества. Иногда под грехом понимают просто нарушение закона или распущенность. В связи с этим понятием встает также проблема нравственного и физического зла. Человек свободен, но не может сам себе служить правилом. Свобода – условие любви и заслуги. Библия дает очерк истории человечества, началом которого было таинственное падение, именуемое «первородным грехом», с которым в мир вошел физический и нравственный раздор в крайней форме – смерть.

В Ветхом Завете описаны периоды верности и отступничества избранного народа – Израиля. Новый Завет – благовестие спасения, дарованного человечеству, впавшего в рабство вследствие грехов каждого человека с их последствиями для множества людей и для всей истории. Зло связано также с деятельностью невидимых существ, сотворенных Богом, но восставших против Него; одно из таких существ Христос называет «князем мира сего» (Ин., XII, 31). Прореченная победа

Христа над своим врагом (Сатаной) станет концом этого мира.

Дхарма – санскритское слово, принятое в индуистской традиции. Обозначает порядок как вселенной в целом, так и всех населяющих ее существ. В нравственном смысле дхарма – закон человеческого поведения, нарушение которого влечет за собой наказание в этой или в последующей жизни, пока не будет достигнуто окончательное освобождение. С небольшими изменениями то же представление существует и в буддизме.

Ессеи. Свидетельства об этом религиозном движении, существовавшем во времена Христа наряду с фарисеями и саддукеями (евангелисты упоминают только о двух последних), оставили Филон (25 г. до н. э. – 50), Плиний Младший (61–114) и особенно Иосиф Флавий (37–100) в «Иудейской войне» (66–70). Кумранские находки 1947 г. значительно обогатили знания о ессеях. Их учение основано на представлении о двух духах или ангелах, равно сотворенных Богом и олицетворяющих свет и тьму, и об их столкновении. Этот миф переживался ессеями в атмосфере ожидания скорого конца. Они жили по-монашески в иудейской пустыне, строго соблюдали иудейский Закон, но не признавали культ Храма. По их преданию, «Учитель праведности» – создатель устава ессейской общины – вынужден был бежать в Дамаск из-за преследований нечестивого священника. Ожидание грядущего Мессии в общине подтверждается многими текстами, но личность Мессии (это не был Учитель праведности) не вполне ясна: должен ли он быть священником из потомства Аарона, царем из рода Давида, или же ессеи ожидали двух Мессий?

Инь – ян – термин китайского происхождения, означающий чередование тьмы (*инь*) и света (*ян*), а в более широком значении – перемены и контрасты во всех областях жизни, как физические, так и нравственные.

Карма – санскритское слово с одним из значений «действие». Общий его смысл с течением столетий менялся: первоначально оно означало исполнение освобождающих обрядов, а затем поведение человека, подчиненного закону воздаяния по заслугам и грехам его, следствием которого становятся новые возрождения и смерти, пока не наступит освобождение, даваемое знанием или почитанием спасителя (например, Кришны).

Конечные судьбы – выражение, обозначающее судьбу каждой личности после физической смерти.

Вера в загробную жизнь является составной частью древнейшего иудейского предания. Преисподняя (см. Шеол) упоминается часто, но это понятие не вполне прояснено. После построения второго Храма (освящен в 515 до н. э.) распространяется вера в бессмертие души и даже в воскресение из мертвых (книга Маккавеев – ок. 160 до н. э.), но это учение признается не всеми. Всем будет воздано по заслугам: праведные узрят торжество Израиля, а нечестивые будут осуждены навеки.

В наши дни ортодоксальный иудаизм принимает учение о воскресении и бессмертии души: праведные пойдут в Эдем – чудесный сад, осиянный Богом Живым, – а нечестивые в Геенну. В различных талмудических школах свободно обсуждаются их описания, как в чувственных образах, так и аллегорические.

Реформированный иудаизм полностью отвергает буквальную веру в воскресение из мертвых, но признает духовную жизнь после смерти.

Католическое богословие конечных судеб – самое разработанное и систематизированное в христианстве – учит, что после смерти душа может попасть на небеса, в чистилище или в ад. Святые сразу попадают на небеса, где до общего воскресения из мертвых в последний день созерцают Бога «таким, каков Он есть». Чистилище – период очищения до восхождения на небо, ад – жилище вечной гибели. «Каждому воздастся по делам его: те, кто ответил на любовь и милосердие Божие, пойдут в жизнь вечную, те же, кто до конца отверг их, пойдут в огонь неугасимый» (Павел VI, исповедание веры 1968 г.). Все люди призваны к спасению, и «те, кто без вины своей не ведают Евангелия Христа и Церкви Его, но добросовестно ищут Бога и благодатью Его усиливаются исполнить волю Его, распознаваемую их совестью, могут достичь спасения» (там же).

Православные не признают чистилища, а некоторые – и вечных мук, но их объединяет с католичеством общая тысячелетняя традиция богословского учения о конечных судьбах. Протестантизм предлагает толкования Библии, не утвержденные Церковью.

Лютер учил о спасении одной верой независимо от дел и верил в вечное осуждение грешников. Кальвин дал радикальную форму учению о предопределении: «Итак, мы скажем, как очевидно показывает Писание, что Бог раз и навсегда в Своем вечном и нерушимом совете положил, кого Он хочет привести к спасению, а кого предать осуждению» (Основания христианской веры (1560), кн.

3, гл. 21). В XX в. выдающийся богослов Карл Барт в «Церковной догматике» пришел даже к признанию предопределения как необходимости вселенского примирения, «апокатастасиса» (см. это слово); другие протестантские богословы (Гейнц Царнт) его не признают.

Коран учит о воскресении мертвых при конце света. Избранные, соблюдавшие заповеди Пророка, будут спасены и пойдут в рай (Джанна – по-арабски «сад» – или Фирдаус, от греч. «paradeisos» – рай). Неверные и отступники пойдут в ад («нар» – по-арабски «огонь» – или Джаханнам, от еврейского «геенна»). Мистики (суфий) и философы (фаласифа) толкуют чувственные описания рая аллегорически. Муки в принципе признаны вечными, но некоторые с этим не согласны. «Народы Писания» – иудеи и христиане – получили истинное учение, но не остались верными ему. Язычники, чтобы получить спасение, должны стать мусульманами. Впрочем, в Коране сказано: «В день воскресения дарует Бог свои милости кому захочет, не считаясь» (сура 2, ст. 213).

Коран (араб. Qur'an – слово сирийского происхождения, означающее «чтение») включает 114 сур, разделенных на стихи (в среднем 50 в каждой суре). Мухаммед продиктовал, частично записал и, по-видимому, даже начал собирать эти тексты как откровение Бога, сообщенное ему архангелом Гавриилом (Джебраилом). Первый датированный экземпляр Корана относится к халифату Абу Бакра (634), но окончательная редакция составлена при третьем халифе, Османе (656). Хронологию создания сур установить не удалось: лишь предположительно в целях классификации сур (в книге они следуют в порядке уменьшения величины,

за исключением первой) их делят на четыре периода. В целом объем Корана несколько (на четверть) меньше, чем Нового Завета. Самые ранние и краткие суры носят наиболее отчетливый эсхатологический характер. Из семи великих пророков у мусульман четверо (Ной, Авраам, Лот и Моисей) общие с евреями. Особое место занимает Иисус (пророк Иса): признается Его непорочное зачатие, но отрицается божественность, а также реальность смерти на Кресте: мусульмане верят, что Он был чудесно избавлен от нее.

Кумран – пещеры в Иудейской пустыне, где в 1947 г. молодой пастух обнаружил множество рукописных кожаных свитков в глиняных сосудах. В одиннадцати пещерах сохранилось несколько тысяч фрагментов 800 рукописей на древнееврейском, арамейском и, в меньшем числе, греческом языках; около четверти из них – списки еврейской Библии периода между концом II в. до н. э. и 68 г. н. э. Всего насчитывается около 200 различных сочинений, подразделяемых на: 1) собственно библейские книги; 2) апокрифы (книги, не входящие в еврейскую Библию); 3) неесейские сочинения, входящие в состав древнееврейской литературы; 4) есеевские сочинения. Около сотни рукописей до сих пор еще не идентифицированы.

Это выдающееся открытие позволило не только обнаружить оригиналы произведений, прежде известных только в переводе, но и лучше узнать ессеев и их время; оно дало важнейшие сведения об ожидании Мессии накануне христианской эры и вплоть до разрушения Храма римлянами (70 г.).

Ла-Салетт. В 1846 г. дети-пастушки Мелани и Максимен стали свидетелями явления Божией Матери на горе у Гренобля. Это место стало мес-

том паломничества, весьма популярного и донныне. Пресвятая Дева обратилась с кратким увещанием о покаянии; позже, в 1851 г., была предана гласности и открытая Ею тайна, высказанная в апокалиптических выражениях; одни признают это пророчество, другие отрицают.

Логос – по-гречески «разум», «порядок» или «слово». Греческая философская традиция употребляла этот термин для обозначения божественной разумности в мире или при начале мира. Книга Бытия также говорит о творческом Слове Бога. Евангелист Иоанн называет Словом Божиим Иисуса, говоря в первом стихе своего Евангелия: «В начале было Слово».

Меджугорье. В 1981 г. дети в Боснии несколько раз видели Богородицу. Эти видения официально не признаны католической Церковью, но в Меджугорье отправляются миллионы паломников. Наряду с увещанием о покаянии, как и в Фатиме, была сообщена некая тайна.

Мессия – от древнееврейского слова *Mashiah*, означающего «помазанник», «освященный»; на греческий язык переводится как *Christos* (Христос). В еврейской Библии этим словом называются цари, в частности Давид, а после Вавилонского пленения – первосвященники. Это же имя дано Израилю (псалом 28). В Евангелии Иисус именуется и по-еврейски – Мессией, – и, чаще, в греческой форме – Христом. Христиане приняли это имя как самоназвание и обычно называют своего Господа Иисусом Христом.

Миллениаризм – от латинского *millenium* (тысячелетие). Термин восходит к тексту из Апокалипсиса, говорящему о тысячелетнем царстве Христа с воскресшими святыми на земле. Сатана

тогда будет скован и вновь отпущен для последних испытаний перед Страшным судом и общим воскресением.

Это место иногда толковалось буквально (например, Св. Иренеем Лионским), иногда же символически (Св. Августин уподоблял эту тысячу лет истории Церкви). В 1944 г. толкование, согласно которому Христос во плоти вернется на землю еще прежде Страшного суда, было официально отвергнуто инстанциями Римской Церкви. Харизматические религиозные движения библейского направления, такие, как мормоны и «Свидетели Иеговы», настаивают на буквальном толковании и ожидают второго пришествия прежде Суда. Милленаристские чаяния чисто светского толка после секуляризации общества приняли форму мифов; в наши дни это направление мысли выражает «New Age».

«Новая эра» (New Age) – движение, зародившееся в 1960-е гг. в англосаксонских странах. Оно не является организованным: это идейное направление, характеризующееся внутренней религиозностью, подчеркивающее свое отличие от христианства; нередко оно притязает стать заменой христианству в связи с астрологическим переходом от христианской эры Рыб (рыба – христианский знак; по-гречески это слово составлено из первых букв греческих слов: Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель) к эре Водолея. Для «New Age» характерна глобальная перспектива (холизм) – учение о единстве всех людей между собой и с Космосом, – упование на достижение всеобщего мира собственными силами людей с использованием восточной духовной традиции и современной технологии. Исток «New Age» в XIX в. – учение Елены

Петровны Блаватской (1831–1891), основательницы Теософского общества (1875); Алиса Энн Бейли (1880–1949) первая произнесла слова «новая эра»; Рене Генон (1886–1951) осуждал западный рационализм, противопоставляя ему восточную мистику. В этом ряду можно назвать также Густава Юнга (1875–1961) и Мэрилин Фергюсон, которая в книге «Дети Водолея: опыт новой парадигмы» (1980) ссылается на Тейяра де Шардена, но не разделяет его христианской веры.

Парусия. В христианской традиции эсхатология – картина конца человеческой истории – завершается Парусией (греч. «явленность»), за которой начинается жизнь, в которой «времени не будет». Слова ангела Апокалипсиса «времени больше не будет» (Откр., X, 6) обычно переводятся на западноевропейские языки как «отсрочки больше не будет». Кант в трактате «Конец света» переводит это место буквально.

Парусия – пришествие Христа во славе, описанное апостолом Павлом в 1 Послании к фессалоникийцам (IV, 15) на основании слов Самого Христа («сие говорю вам словом Господним») о Его сошествии с неба. Образ Его прихода, явления (*parousia*) или пришествия будет напоминать Вознесение (Деян., I, 11). Оно будет подобно молнии, которая «исходит от востока и бывает видна даже до запада» (Мф., XIV, 27). Христос, Сын Человеческий, явится в великой силе и славе «на облаках небесных»; Его увидят все – праведные и грешные, живые и воскресшие из мертвых. Весь космос сотрясется, стихии разгорятся (2 Петр., III, 11) и с неба сойдет новая земля, «Новый Иерусалим» (Откр., XXI, 1), жилище избранных.

Это лишь некоторые цитаты из многочисленных текстов Нового Завета, связанных с Парусией. Все они описывают ее сияние, которое восхитит избранных, веривших в любовь, и устрашит не веривших в нее. Те и другие будут судимы по своей любви к Богу и к людям. Все тайное станет явным. Неверные ангелы тоже будут судимы; жребий осужденных ангелов и людей определится навеки.

Страх перед этой картиной подтолкнул некоторых богословов, например, Оригена и Григория Нисского, к мысли о восстановлении (апокатастасисе) всех тварей в благодати Божией. Такое учение было осуждено Константинопольским собором 543 г. и отвергнуто католической Церковью.

Обожение избранных и осуждение грешных — неисповедимая тайна. Блаженство, обещанное избранным, — видеть Бога «каков Он есть» и таким образом «быть как боги». Богосыновство по усыновлению превосходит всякое воображение, ибо в этой жизни можно знать, что Бог есть, но невозможно знать, что Он есть.

Образ предпочтения одних другим, употребляемый в Писании, представлен по аналогии с человеческой любовью, взятой в своих самых крайних проявлениях, но это лишь следствие немощи нашего языка. Для представления о вечном блаженстве следует обращаться не к «Божественной комедии» Данте — изложению томистского синтеза, украшенного поэтическим дарованием, — а к свидетельствам самих мистиков, подчас красноречивых самой своей неполнотой, и не надеяться на большее. Видеть Бога нельзя: даже Моисей, говоривший с Богом, «как друг говорит с другом», слышал слова: «Лица Моего не можно тебе уви-

деть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх., XXXIII, 20).

В христианстве Парусия целиком сосредоточена вокруг личности Христа. Мессианские чаяния иудеев и мусульман, которые, каждые со своей стороны, отрицают божественность Иисуса, сходятся в ожидании торжества справедливости, блаженства праведных и наказания грешных. Требование справедливости и блаженства – неотъемлемая часть человеческой природы; все религиозные и даже просто этические традиции дают этому множество подтверждений. В этом смысле можно сказать, что эсхатология, коренящаяся в библейском откровении, и предание о Втором пришествии – христианское по происхождению – отвечают также и чисто человеческим чаяниям. Мысль о всеобщем благе человечества, достижимом лишь верой, не противоречит разуму, а превосходит его. Ее можно и не признавать.

Перевоплощение – верование, согласно которому душа воплощается неоднократно в разных телах. В перерождение верили многие народы древности; это верование до сих пор остается основой индуизма. Оно связано с идеей справедливости, поскольку доля каждого существа в настоящей жизни считалась последствием предыдущих жизней. Христианство отвергает это учение; в наше время и в Европе, и в США оно получило распространение.

Писание (Священное). Корпус текстов, вдохновленных Богом или, как Коран, продиктованных Его посланником. Ветхий Завет в древнееврейской версии включает 24 книги; греческая версия «семидесяти» (Септуагинта), перешедшая к первым христианам, состоит из 43 книг. В Новый

Завет входят 27 книг, в том числе 14 посланий апостола Павла (или, как Послание к евреям, приписанных Павлу). Еврейское слово «Тора» обозначает Пятикнижие (первые пять книг Библии), а расширительно все писания Ветхого Завета. За этими книгами признана богодухновенность или пророческое вдохновение. Говорят даже, что Тора записана на небесах прежде сотворения мира. Канон складывался в течение нескольких веков, а раввинская традиция установилась лишь в конце I в. н. э. В 1946–1950 г. в пещерах Кумрана был обнаружен свод книг Ветхого Завета в рукописях, на тысячу лет более древних, чем известные до того средневековые списки. Библейская экзегеза восходит ко времени поздней античности и развивалась в течение всего Средневековья. Начало рационалистической критике Библии в XVII в. положил Спиноза.

Христианский канон Нового Завета как у греков, так и у римлян окончательно сложился к концу IV в. По «Списку Муратори», открытому в 1740 г. итальянским ученым, мы знаем, какие книги были приняты в Риме в 80-е г. II в. (латинский перевод с греческого, приписываемый Св. Ипполиту).

В течение последних двух столетий развитие библейской критики в разнообразных формах сделало проблему источников и истолкования Библии предметом дискуссий. Этому вопросу посвящено догматическое постановление II Ватиканского собора (*Verbum Dei*), о котором следует напомнить, поскольку оно не имеет аналогов в других традициях. Постановление провозглашает Ветхий и Новый Завет написанными по вдохновению Святого Духа, то есть автор их – Бог. Тол-

кование Библии должно учитывать «литературный жанр» текста, поскольку «истина весьма многообразным образом являет и выражает себя в текстах либо исторических, либо пророческих, либо поэтических, либо даже какого-либо иного рода» (III, 12). Следует также принимать во внимание единство всего Писания, аналогические толкования и живое церковное Предание, суд о котором в католической Церкви принадлежит церковным инстанциям (Магистериуму).

Коран считается не только вдохновленным, но и продиктованным от Бога. Толкование Корана касается только буквального смысла, но не считается с «литературными жанрами». Тем не менее, не все комментаторы принимают буквальный смысл текста: некоторые дают ему аллегорическое истолкование (см. **Коран**).

Сатана – от еврейского слова, означающего «противник» или «обвинитель», которому соответствует греческое *diabolos* (дьявол). В Ветхом Завете часто упоминается о злом существе, враждебном Богу, но покорном Его воле; в частности, в книге Иова он изображен как чудовищный крокодил (Левиафан). Он же имеется в виду под змеем-искусителем из книги Бытия и обнаруживает себя на всем протяжении еврейской истории. Исайя (XIV, 2) говорит о падении некоего таинственного существа – «Денницы, сына зари», притязавшего быть равным Богу. В рукописях Мертвого моря упоминается «Ангел тьмы», а в Талмуде Мастема (вражда).

Новый Завет говорит о Сатане как о «князе мира сего», искушавшем Христа в пустыне; Христос сокрушает его власть Своей проповедью и Крестом. Эта битва – часть борьбы, которая про-

ходит через всю историю и завершится судом над «древним змием» (Откр. XII, 9). Все человечество и каждый человек лично призваны выбрать свое место в сражении, которое вторит таинственной битве ангелов, отзвуком которой служит Апокалипсис.

Сатанизм принимает различные формы – как открытого насилия, так и тайные; однако чаще всего о действии Отца лжи, противостоящего Истине (одно из имен, которым называет Себя Христос), говорят человеческие пороки. Коран и вообще мусульманская традиция называют Сатану Иблис (от греческого *diabolos*); это ангел или джинн, искушавший Адама и даже самого Мухаммеда («сатанинские стихи», впоследствии вычеркнутые Пророком); он будет осужден в день Страшного суда.

Талмуд. Этимология этого слова связана с понятием «учение». Так был назван свод устных толкований Торы (Мишна) примерно за семь столетий на древнееврейском языке, собранный раввином Иегудой га-Наси около 200 г. н. э. Комментарии (гемара) к Мишне составляют «Вавилонский Талмуд» и «Иерусалимский Талмуд»; они написаны по-арамейски с обширными древнееврейскими вставками и создавались между серединой III и концом V в. Иерусалимский Талмуд на треть короче Вавилонского и включает главным образом толкования (мидраши) еврейского законодательства (галаха); Вавилонский Талмуд по большей части состоит из рассказов и легенд (агада), а также многочисленных притч из повседневной жизни. В целом это целая библиотека (25 книг), ныне переведенная и на европейские языки. Толкование

Талмуда, особенно Вавилонского, ныне – основное занятие раввинских школ.

Фатима – португальское селение, где в 1917 году Матерь Божия явилась детям, произнесла увещание о покаянии и сообщила некоторые пророчества, касающиеся России. Тайна поведенного Ею сообщена папе и его преемникам и не была предана огласке. Павел VI и Иоанн Павел II совершили паломничества в Фатиму.

Царство Божие – одна из главных тем Библии. О Царстве Божием говорится как в Ветхом, так и в Новом Завете. Яхве – Царь Израиля, а Земля Обетованная дана им в удел своему народу. Первоначально это обетование толковалось буквально, но после Вавилонского плена (VI в. до н. э.) мессианское Царство стало пониматься преимущественно духовно. Важный этап на этом пути – книга Даниила (160 г. до н. э.): в ней говорится о вечном Царстве, данном во власть «Сыну Человеческому». После римского завоевания в 63 г. до н. э. ожидание мессианского Небесного Царства смешивается с чаянием политического освобождения.

В Новом Завете провозвестие прихода Царства Божия – центральный пункт «благой вести». Чтобы дать представление о нем, Иисус прибегает к разнообразным сравнениям. Царство и видимо, и сокрыто, проявляется вовне и внутри; о нем нужно молиться; оно есть Царство вечное. «Прежде всего Царство Божие явлено в Самой Личности Христа – Сына Божия и Сына Человеческого» (*Lumen Gentium*, гл. I, 5). Католическое понимание Царства приводит к учению о Церкви как «Иисусе Христе распространенном и передаваемом в причастии» (Боссюэ), как о самом Царстве

Божием, видимом и невидимом, уже теперь таинственно растущем действием Святого Духа до своего совершения в последний день. Другие толкователи, размышлявшие на эсхатологические темы, из того факта, что Царство не пришло немедленно, делали вывод, что Иисус не имел этого в виду (Швейцер). Другие (Бультман) противопоставляли Иисусу веры исторического Иисуса, для которого Царство Божие, по их мнению, находится только внутри человека.

Апокалипсис описывает будущую победу Царя Христа, время которой неизвестно. Эта победа открывает всю полноту Царства Небесного.

Церковь (греч. ecclesia – собрание, соответствует еврейскому qahal). Собрание избранного народа в пустыне стало впоследствии собранием христиан, рассеянных по всему миру. Церковь основана Христом, избравшим двенадцать апостолов для проповеди Евангелия. В ее истории был ряд расколов, важнейшие из которых – разделение католической (Римской) и православной (Константинопольской) Церквей в 1054 г. и протестантское разделение Западной Церкви в XVI в.

Католики признают первенство, а после I Ватиканского собора (1870) – догматическую непогрешимость апостола Петра. Православные признают те же таинства, но не место Римского папы, занимаемое им ныне. Среди протестантов лютеране и англикане имеют епископскую иерархию, но не признают власти Рима. Реформаты, учение которых восходит к Кальвину, не имеют епископской иерархии. Всемирный совет церквей (резиденция в Женеве) объединяет 370 церковных деноминаций, однако Римская Церковь не является его членом.

Католическое богословие определяет Церковь, с одной стороны, как иерархически устроенное общество верующих, а с другой, как мистическое Тело, единую сложносоставную богочеловеческую реальность (см. постановление II Ватиканского собора *Lumen gentium*, гл. I, 8). В центре православной и католической экклезиологии – Евхаристия, а учений о Церкви в протестантских общинах – преимущественно Писание.

Цивилизация любви. Пророчество о ее наступлении было произнесено Павлом VI в проповеди на Рождество 1975 г. и многократно повторено Иоанном Павлом II. Термин означает исторический идеал христианства, обрисованный в социальной доктрине католической Церкви. Этот идеал осуществим в истории в том смысле, что в той или иной мере цивилизация любви осуществится уже в этом мире. Это не «тысячелетнее царство» миллениаризма, а краткий исторический период, сопоставимый со Входом Иисуса Христа в Иерусалим, за которым последовали Его Страсти (аналогом им является будущая апостасия) и Воскресение (Парусия – пришествие Христа во славе).

Шеол (преисподняя¹) – слово неизвестного происхождения, в еврейской Библии обозначающее земные недра.

Туда попадают все мертвые – и праведники, и грешники. Лишь некоторые, например праотец Енох и пророк Илия, вознеслись к Богу. Идея воскресения мертвых – общего, как у пророка Иезекииля, или индивидуального, как у Даниила, – появляется довольно поздно. Фарисеи учили о

¹ Русское «ад» происходит от греческого *Aides* – подземное царство. – *Примеч. ред.*

воскресении, саддукеи его отрицали; раввинская традиция после разрушения второго Храма (70 г.) развивает учение о воскресении.

Эсхатология – от греч. *ta eschata*, «последние вещи». Различают личную эсхатологию, чаще называемую учением о последних судьбах, и коллективную эсхатологию, о которой идет речь в этой книге.

Юга – составная часть космического цикла в индуистской традиции. Четыре юги составляют махаюгу, а 2000 махаюг – Кальпу. Согласно этим расчетам, примерно последние три тысячи лет мы живем в Калиюге, которая продлится около полумиллиона (432 000) лет; она завершает период (майяюгу), который продлится 4 320 000 лет. Общая порча приводит к концу цикла, за которым начинается другой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	5
------------------	---

Глава I

ЦИКЛИЧЕСКИЕ И ЛИНЕЙНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ	12
---	-----------

I. — Циклическое понимание истории.....	12
--	----

II. — Линейное понимание истории	20
--	----

III — Миллениаризм	22
--------------------------	----

Глава II

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ	28
--	-----------

I. — Иудейская традиция.....	28
------------------------------	----

II. — Христианская традиция	44
-----------------------------------	----

III. — Мусульманская эсхатология.....	59
---------------------------------------	----

Глава III

СОБЫТИЯ И ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ЭСХАТОЛОГИИ	64
---	-----------

I. — Мессия и мессианизм.....	83
-------------------------------	----

II. — Вавилон и Иерусалим	73
---------------------------------	----

III. — Христос и Антихрист	76
IV. — Апостасия и конец света	82

Глава IV

РЕЛИГИОЗНЫЕ И НЕРЕЛИГИОЗНЫЕ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ

СИСТЕМЫ XIX–XX вв.	94
-------------------------	----

I. — Социологические подходы	94
------------------------------------	----

II. — Психологизм в эсхатологии	120
---------------------------------------	-----

СЛОВАРЬ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ

СВЕДЕНИЯ	129
----------------	-----

Научно-популярное издание

Патрик де Лобье

ЭСХАТОЛОГИЯ

Редактор *В. Гельман*
Технический редактор *Г.А. Этманова*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *М.В. Поташкин*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва пр-д Ольминского д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени
«Чеховский полиграфический комбинат»
142300 г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336. Факс (272) 62-536

*Университетская библиотека —
это серия книг для высших учебных заведений
по всем основным областям знаний.
Все книги серии написаны ведущими
специалистами в своих областях*

Конечной судьбой человечества занимается
эсхатология — учение о конце света и конце времен.
В книге прослеживаются иудейские, христианские
(наиболее подробно) и мусульманские эсхатологические
традиции. В XX веке они дополнились, скажем, марксизмом
в его советском толковании, предрекавшим наступление
«светлого будущего», своего рода конец истории; или
современными учениями типа «New Age» с его
предсказанием постепенного наступления века всеобщего
благоденствия. Все это соседствует с осознанием возможного
самоуничтожения человечества, располагающего ныне
для этого техническими возможностями.

Патрик де Лобье — профессор Университета
Женевы

ISBN 5-17-026785-1
ИНН.450104643591 ПБОЮЛ Колесников
Ун. биб. Эсхатология
Цена: 47р.00к.

9785170267859 18.10.04